ISSN 0130-2574

КОСТЁР

1
ЯНВАРЬ
1989

КОСТЁР

1
ЯНВАРЬ
1989

Ежемесячный журнал

ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР

Издается с 1936 года

© «Костер», 1989 г.

ЖУРНАЛ ПЕЧАТАЕТ:

Космический вестник 1

Абориген
повесть Ю. Короткова 4

Барабан
сообщения юнкоров 15

Откровенный разговор 17

Цена хлеба
рассказ В. Костылева 19

Путешествие по Роботландии 22

Стихи
В. Кожемякин 25

Любимец города — Вински
повесть Аапели 26

Операция «Живая вода» 32

Ладога просит помощи
очерк С. Цветкова 34

Путь в легенду
очерк Е. Мясникова 37

Веселый звонок 40

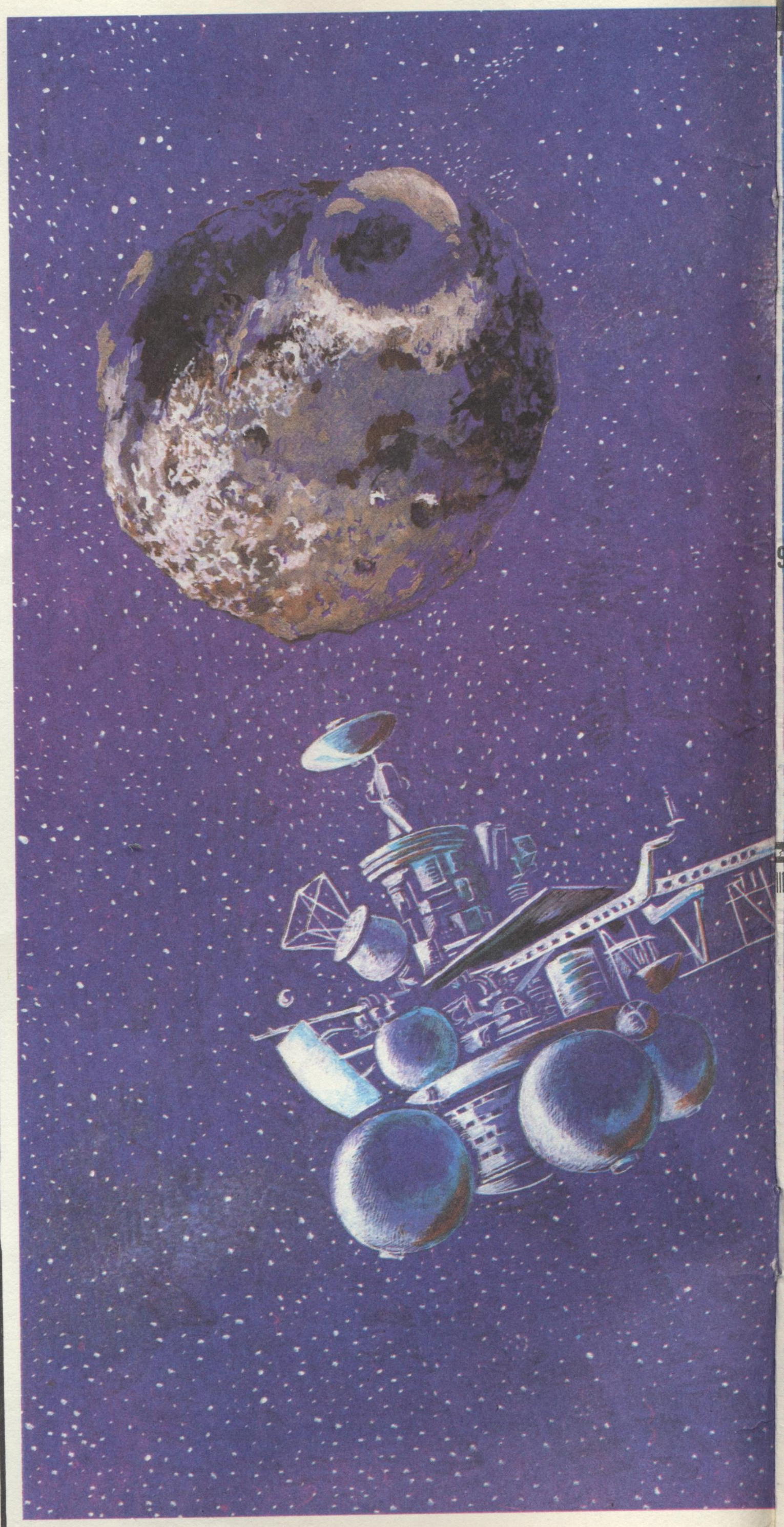
Спортклуб «Кузнечик» 42

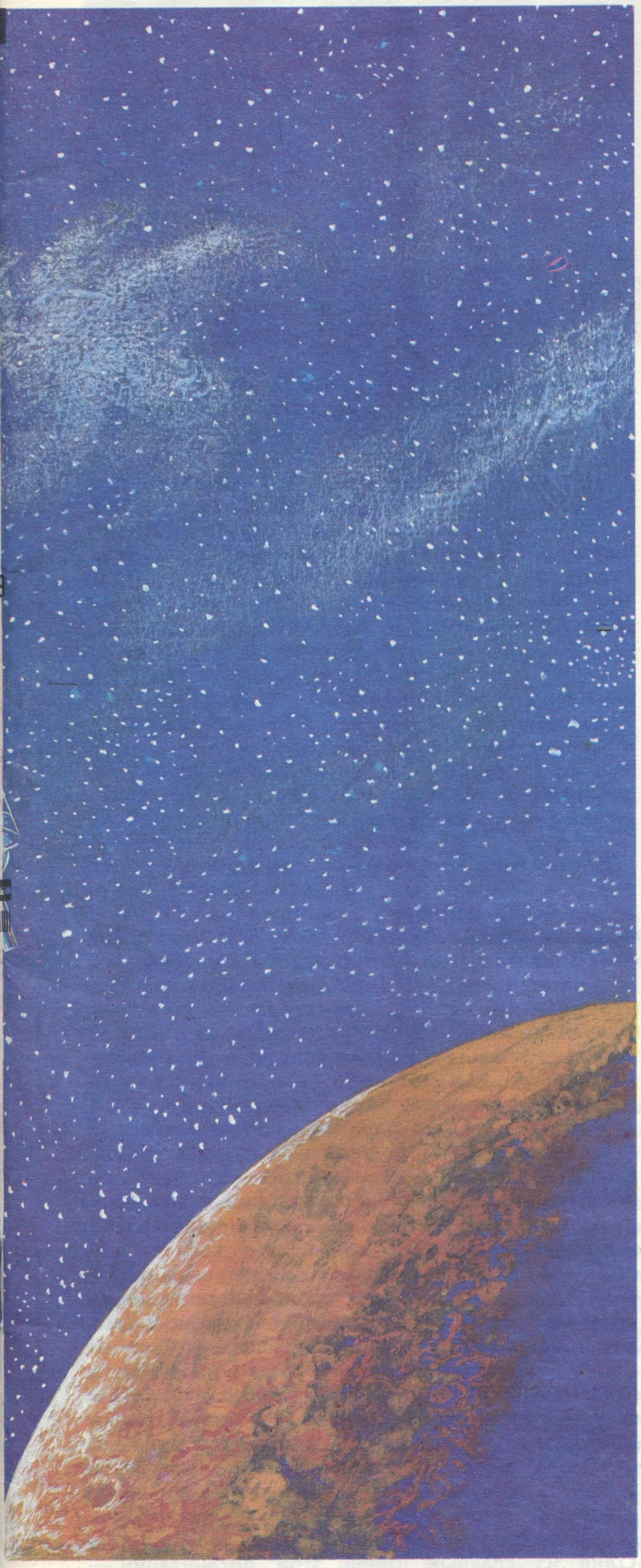
Девочка Ти и мальчик Та
индийская сказка в пересказе
Р. Баранниковой 44

Творчество твоих ровесников 46

Арчебек
шахматы и шашки 47

На обложке
литография А. Ф. Пахомова
«Салют»





КОСМИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

В этом месяце советские автоматические станции «Фобос-1» и «Фобос-2» достигнут окрестностей планеты Марс. В подготовке эксперимента участвовали специалисты 12 стран. Программой полета предусматривается исследование планеты Марс и одного из ее спутников — Фобоса. Для выполнения этой задачи обе станции несут спускаемые аппараты. А на «Фобосе-2» есть даже специальный зонд — «попрыгунчик», который двадцатиметровыми прыжками будет пробовать Фобос на прочность.

До сих пор одни ученые считают, что Фобос — это захваченный в орбиту Марса астероид. Другие утверждают: не астероид, а полое искусственное тело, созданное представителями марсианской цивилизации. Споры ученых продолжаются уже много лет.

И вот теперь — прикосновение к Фобосу, возможность перейти от гипотез к точным знаниям.

ВПЕРЕД, НА МАРС!

Читая сообщения ТАСС, невольно вспоминаешь нашего первого космического инженера и создателя ракетных двигателей Фридриха Артуровича Цандера. Девизом его жизни были слова — «Вперед, на Марс!». И — поразительный факт — Фридрих Артурович говорил об этом с Лениным!

«Всю ночь я не мог заснуть, находясь под впечатлением встречи с Владимиром Ильичем. Шагая по своей комнате, я думал о величии этого человека: страна наша разорена войной, хлеба мало, угля мало, заводы стоят, а человек, который руководит огромным государством, выкраивает еще время, чтобы послушать о межпланетных полетах! Значит, осуществится моя мечта...»

Во имя осуществления этой мечты жил и трудился не только Цандер. Ей отдавали свои силы и знания его великие предшественники — Николай Иванович Кибальчич и Константин Эдуардович Циолковский, знаменитые последователи — американец Роберт Годдар и Сергей Павлович Королев.

И нет ничего удивительного в том, что в истории космонавтики мы найдем много примеров, когда лучшие умы человечества неоднократно доказывали: успешное освоение космоса невозможно без тесного международного сотрудничества.

Вот почему особое место в космических исследованиях занимают дружественные контакты СССР и США. Впечатляющим примером такого содружества была советско-американская программа ЭПАС («Союз» — «Аполлон»). В 1976 году намечался следующий шаг: президент Форд подписал совместную программу «Салют» —

«Шаттл». Состоялись две встречи по ней. Третью отменил Картер.

Но процесс объединения двух наших могущественных держав перед лицом космоса остановить невозможно. **В одном из своих заявлений Михаил Сергеевич Горбачев подчеркнул: «По нашему глубокому убеждению, не с программой «звездных войн» надо идти в третье тысячелетие, а с масштабными проектами мирного освоения космоса силами всего человечества...»**

Воистину масштабный проект такого рода предложил известный американский астрофизик Карл Саган. Девиз Ф. А. Цандера «Вперед, на Марс!», по его мнению, может быть осуществлен уже через пятнадцать лет! Возможно ли это? Уж слишком фантастичным выглядит проект путешествия людей на Марс даже на фоне грандиозных достижений современной космонавтики. «Да, возможно! — утверждает Саган.— Для полета на Марс достаточно сегодняшнего уровня науки и техники. Во всяком случае, специального качественного скачка уже не потребуется. Советские космонавты работали в космосе восемь месяцев, а на путешествие к Марсу нужно приблизительно девять месяцев!»

Такая экспедиция, по мнению ученого, стоила бы меньше денег, чем программа «звездных войн», обошлась бы дешевле, чем лунная программа «Аполлон», и потребовала бы ненамного больше средств, чем любая из систем современного стратегического оружия. Саган предлагает начать подготовку к полету в год 75-летия Великой Октябрьской социалистической революции и 500-летия открытия европейцами Америки. Это было бы достойным подарком замечательным юбилеям. Ведь люди сделали бы шаг к открытию еще одного Нового мира!

По одному из проектов марсианский корабль должен состоять из трех 60-метровых блоков. Тогда на нем смогут путешествовать пятнадцать космонавтов и астронавтов. Разумеется, для этого придется довести до полной готовности замкнутые системы жизнеобеспечения и питания, а может быть, и создать новые источники энергии и двигательные установки. Вот почему подготовительный период займет около десяти лет. За это время на Марс слетают автоматы — наши и американские — для выбора наиболее подходящих мест посадки.

На заключительной стадии — ориентировочно к 2000 году — начнется вывод блоков (модулей) марсианского корабля на околоземную орбиту с последующей их состыковкой и сборкой. Вот где пригодится опыт многократных стыковок и навыки космонавтов в монтажных операциях вне корабля при полетах советских «Союзов» совместно с орбитальными станциями типа «Салют» и «Мир»! Космонавты и астронавты будут курсировать туда и обратно в «челноках», доставляя на орбиту все новые и новые детали и элементы для марсианского корабля. А люди на Земле смогут наблюдать на экранах своих телевизоров за дружной работой американцев и русских.

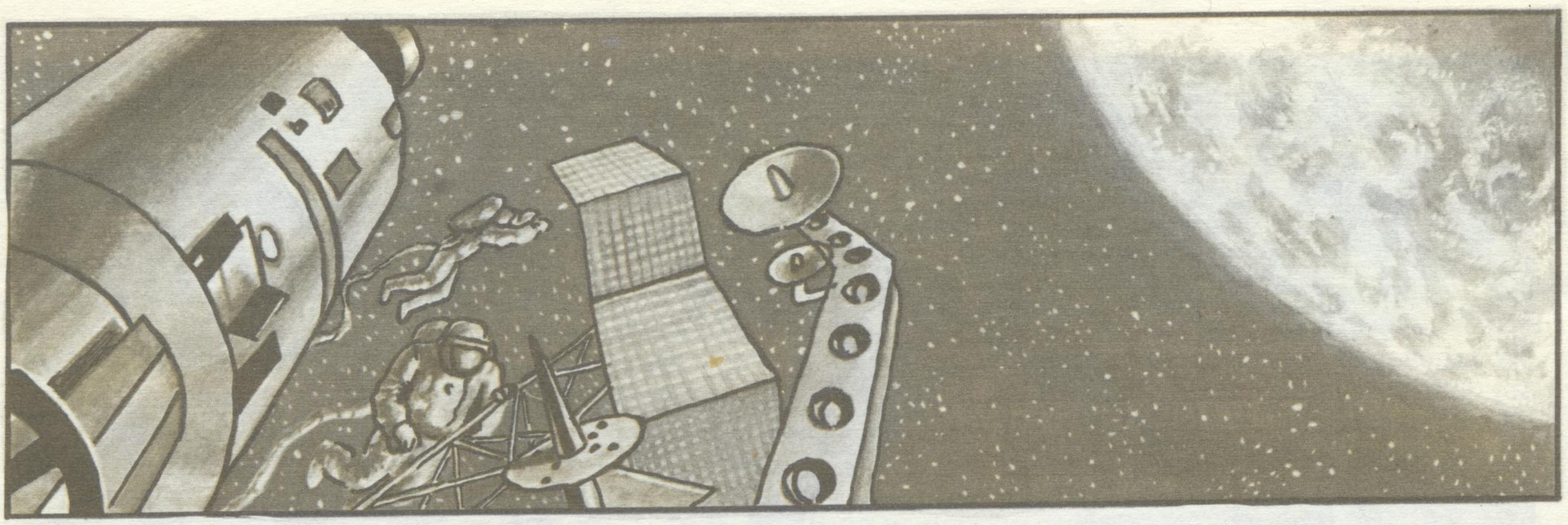
Старт к загадочной «красной планете» Карл Саган намечает на 2001 год. Почему? «Эту дату я избрал символически,— отвечает ученый,— чтобы ознаменовать начало нового тысячелетия».

Считается, что все путешествие займет три с лишним года: девять месяцев полет, полтора года на Марсе и от шести до девяти месяцев — обратный путь. Прорабатываются, однако, и более быстрые маршруты. Например, запуск двух космических кораблей с интервалом 30 дней. Когда корабль достигнет Марса, его экипаж опустится на поверхность планеты в спускаемом аппарате. Тридцать дней спустя этот аппарат взлетит, чтобы состыковаться со вторым кораблем, взявшим курс к Земле. Этот вариант исключает торможение корабля-носителя для перехода на околомарсианскую орбиту и его повторный разгон для полета к Земле. Ясно, что при этом сберегается значительное количество топлива.

«Марсианский» проект Карла Сагана вызвал большой интерес ученых разных стран. Пока они обсуждают возможность реализации проекта, космонавты набирают опыт международного сотрудничества.

На советских орбитальных станциях уже побывали 12 космонавтов из социалистических и капиталистических стран. В американской программе «Спейс Шаттл» участвовали представители ФРГ, Саудовской Аравии, Мексики, Канады, Франции. Готовились к полету три представителя Японии, в том числе женщина-космонавт Шиаки Наито, врач по профессии. Но полет пришлось отложить из-за трагедии «Чэлленджера»...

В 1985 году по инициативе советских и американских участников космических полетов была создана Ассоциация «летающих» космонавтов. Одна из главных целей этой организации —



борьба против милитаризации космического пространства. Уже состоялось три конгресса Ассоциации. На одном из них обсуждалась тема «Космос — среда обитания». «Мы много и горячо говорили об этом,— рассказывает летчик-космонавт СССР Алексей Архипович Леонов.— Какая это будет среда в будущем — зависит от нас. Чистая, безопасная, насыщенная прекрасными, необычными архитектурными сооружениями,— или напичканная хищными платформами, угрожающими всему живому на Земле? Наша задача — не повторять ошибок, обернувшихся загрязнением земли, воды, воздуха...»

Два года назад Министерство иностранных дел СССР провело пресс-конференцию, посвященную плану «звездного мира». Была обнародована новая важная инициатива нашей страны: Главкосмос СССР готов к широкому сотрудничеству с зарубежными фирмами, государственными и международными организациями. Среди услуг, которые он предлагает, запуски иностранных спутников советскими ракетами-носителями, предоставление в аренду советских спутников связи «Горизонт», выполнение съемок из космоса территории отдельных стран, совместные работы по космической технологии и т. д.

Будет ли осуществлен проект Карла Сагана?

Ответ на вопрос мы получим в ближайшие годы. Если он окажется положительным, можно будет с уверенностью сказать, что человечество выбрало для себя дорогу «звездного мира», а не дорогу «звездных войн». И, значит, сегодняшние мальчишки и девчонки — читатели «Костра» станут свидетелями самого грандиозного и дерзновенного события всех времен и народов — экспедиции на Марс. И — кто знает, может быть, не только свидетелями, но и участниками...

г. ЛИСОВ

ПИСЬМО ИЗ ШТАТА ВАЙОМИНГ

В «Костре» № 5 за прошлый год был опубликован очерк «Восемь неизвестных из «коллектива икс». В нем рассказывалось о судьбе кандидатов в космонавты из «гагаринского» отряда, по разным причинам не полетевших в космос. Среди них был и трагически погибший во время пожара в сурдобарокамере 24-летний летчик Валентин Васильевич Бондаренко.

В 1967 году похожая трагедия произошла в Соединенных Штатах Америки. Из-за короткого замыкания вспыхнул пожар в кабине космического корабля «Аполлон-1», стоявшего на земле. В кабине были трое — астронавты В. Гриссом, Э. Уайт и Р. Чаффи. Все они погибли. Много лет прошло с тех пор, но горечь утраты не оставляет сердца родных и близких.

Подтверждением этому служит письмо из штата Вайоминг, пришедшее на имя писателя Ярослава Голованова. Его написал отец одного из трех астронавтов мистер Дон Чаффи. Он просил писателя найти вдову Валентина Бондаренко и передать ей его послание, в котором говорится:

«Дорогая миссис Бондаренко!

Вы, как и я, отдали любимого человека космонавтике, но их вклад в улучшение мирового сообщества никогда не будет забыт... Я посылаю это письмо в надежде, что оно найдет Вас. Мне было бы приятно прислать Вам с дарственной надписью книгу «По направлению к звездам»— биографию моего сына. Пришлите мне Ваш адрес.

Наши две страны идут вместе по пути лучшего взаимопонимания в вопросах сохранения мира, и я знаю, что Ваш муж и мой сын мечтали о том же. Этими словами мне бы хотелось закончить мое письмо. Пожалуйста, помните, что те, кто живет в сердцах людей, преодолевают смерть.

Искренне, Дон Л. Чаффи,
отец астронавта
Роджера В. Чаффи».

Ярослав Голованов разыскал адрес Бондаренко Анны Семеновны и переслал ей письмо Дона Чаффи. Потом позвонил ей по телефону. Анна Семеновна сказала писателю:

— Я очень благодарна мистеру Чаффи за его теплое письмо и буду рада получить книгу о его сыне. Роджер Чаффи и мой муж Валентин Бондаренко пришли в космонавтику в период ее молодости, и сами были молоды и полны сил и творческих планов. Всякое большое дело требует усилий и жертв, иногда — жертв человеческих. Роджер и Валентин не слетали в космос, но они отдали свои жизни ради того, чтобы туда полетели их товарищи.

Оформление Н. Котляревского

АБОРИГЕН

Юрий КОРОТКОВ ПОВЕСТЬ **Рисунки Ю. Шабанова**

В шерсти овчинного спальника завелись мокрицы. Твари не кусачие, но до чего мерзкие, снуют по голым ногам — под утро Борька и не спал почти, елозил ногами, вертелся на сланях [1], слышал сквозь дрему, как играет у самого борта щука и бьет в сыром лесу птица, будто камнем по камню. Да еще капюшон энцефалитки сполз, и комарье так отделало ухо, что хоть оторви да выбрось — чешется.

Борька не вынес-таки, полез из спальника, разлепил с трудом тяжелые, опухшие веки. Катятся по сорной заводи клочья тумана, цепляются за густую осоку. Лес еще непроглядный, гулкий, высокая трава перед ним полегла от росы. Много росы, небо чистое — жди солнца.

Борька сдвинул капюшон — услышал ветер-верховик, звон поредевших к утру комаров. Бьет птица — ударит раз-другой, затихнет ненадолго, ждет ответа, но лес еще спит.

Борька набрал полную грудь воздуха:

— Эге-ге-гей!!

Вздрогнул, загудел лес, метнулось эхо от берега к берегу. Из осоки снялись, просвистели над головой две кряквы, Борька аж пригнулся. Пока опомнился, выдернул из брезента старую бельгийку — уже и след простыл. Только плюнул вслед от досады.

Смочил водой горящее ухо. Спрятал обратно ружьишко. Натянул бродни, закатал на манер ботфортов, перехватил энцефалитку матросским ремнем, сдвинул чехол с ножом за спину. Толкнулся веслом от берега и на гребях пошел к сети, которой с вечера закрыл устье сора. Уже издали видно было, как подрагивает верхняя тетива с берестяными поплавками, уходящая в зеленую глубину. В сору ловить — верное дело: мелочь

[1] Дощатый настил на дне лодки.

здесь жирует, а следом и щука идет. Борька только потянул тетиву, и из густой, цветущей воды показались спеленутые сетью ерши. Вредительская рыба ерш — так запутается, что и сеть порвешь, и пальцы исколешь, пока вынешь. Исколотые пальцы потом надуваются и болят — видно, слизь какая-то на иглах.

Мелочь Борька не глядя бросал на слани. А вот и щука — спокойно висит в сети кверху пятнистым брюхом. Хитрая рыбина — пока Борька ее из сети выпутывал, висела, как бревно, а потом рванулась, выгнулась колесом. Борька на лету уже ее перехватил и треснул с размаху плоской башкой об борт. Щука выкатила белесые глаза, разинула пасть и затихла. Борька достал нож и с хрустом проколол ей загривок — так-то спокойней будет...

Он выбрал сеть, сразу раскладывая, растряхивая ее, чтоб тетива к тетиве не сошлась. Если сразу мокрую сеть не разберешь — слежится, потом раздирать придется.

Смахнул росу с кожаного таксистского сиденья, вытянул ноги в тяжелых броднях. Вытащил мятую пачку «термоядерных», закурил. Семь щук, да вчерашних пятнадцать, да чебаки и другая мелочь. Добро.

Туман ушел. Небо рассветлелось, через час будет солнце. Комарья уже не слышно, на рассвете у этой кровожадной твари пересменка: комары прячутся, вылетают с надсадным гулом черные, пудовые пауты.

До Сургута два часа, если идти на полной гари. Борька достал бачок, качнул — бензин плещется на дне. В упор, но хватит. Сперва — в Банное, к Михалине, потом в сельмаг — чай кончился, а главное — соль, без соли не проживешь.

Он рванул стартер — мотор взвыл, тотчас откликнулся лес, поплыл над заводью голубой дым. Сел поудобнее, врубил скорость — лодка толчком тронулась — и вышел в Обь.

Волосы зализал ветер, надулся пузырем капюшон, сыплет искрами сигарета в плотно сжатых губах. Борька сидит напряженно, очень прямо, чтобы видеть над треснувшим ветровым щитком. Одной рукой оперся на борт, другая на рукоятке гари.

Лодка легко режет мелкую волну, из-под крутых скул бьют на две стороны тонкие прозрачные струи. Корма вдавливает воду, чуть дальше она взрывается пенным буруном. Катится бурун за лодкой, как привязанный. Черными точками мечутся пауты, затянутые с берега в воздушный мешок.

Фарватер здесь широкий. Огромным меридиан — от горизонта до горизонта — лежит вода в обрывистых, приглубых берегах. Проплывают поочередно белые и красные конуса бакенов. Ползут по фарватеру черные буксиры, тащат следом ржавые плоские баржи, груженные горами серого песка, жилыми вагончиками, вездеходами. Прут толкачи с многоэтажной надстройкой, с высоким обрезанным носом. А вот и «река-море», плавучий небоскреб, толкает десять барж сразу. Борька аж присвистнул — метров триста караван, не меньше — ну, силища!

Пока глаза таращил, не успел развернуться носом к волне, налетел скулой: лодку подбросило, ударило днищем, окатило водой с головы до ног. Поделом, на реке рот не разевай. Река не шутит.

Скользнула мимо тупорылая «Заря», промчалась, задрав нос, крылатая «Ракета», идут сухогрузы и речные танкеры. Рабочая река Обь. Идут и днем и ночью суда, большие и малые, из Вартовска в Сургут, из Сургута в Нефтеюганск, Мансийск, Салехард.

Снуют взад-вперед катера и моторки, узкие остроносые челны-обласы. С одного Борьке махнули рукой, с другого — Борька отвечает. Вот рыболовный бот рыкнул сиреной, поздоровался. На реке Борьку все знают.

Трещит мотор, с шумом ложится вода за кормой. Рыба уснула на сланях. Хорошо думается на реке. О разном думается.

Будто вчера бегал к берегу смотреть, не тронулся ли лед, просил, уговаривал, ругал матерно ленивую реку, потом проснулся ночью от орудийного грохота ломающихся льдин, не утерпел, не дождался чистой воды — гонял, шалея от радости, по черным разводьям между тяжелых торосов. И лето было впереди — громадное, бесконечное... И вот, оглядеться не успел — остался от лета огрызок. Скоро осень.

Скоро осень, скоро пойдет муксун метать икру в тихие заводи. Земляки позабросят дела, подправят плавные сети — тесно будет ночами на заповедных песках. Налетят инспектора со всего бела света, начнет колчак шаманить по притокам и протокам.

Там ляжет снег, у берега зашуршит сало. На реке еще будет ходить тяжкая, темная вода, а соры сразу станут, в осоку наметет снега. Потом и Обь накроется льдом, запетляет поземка меж крутых, окаменевших берегов. Еще по слабому, гнучему льду протянется первый след «Бурана», поперек — другой, изжуют они гусеницами снег по всей реке, будут целые проспекты и переулки выдавлены в сугробах. Но это уже не для Борьки.

Они с отцом все к «Бурану» приценивались, денег накопили в шкатулке с вылущенным перламутром, ходили на базу, где выгружали из товарняка яркие, как игрушечные, «Бураны», вкусно пахнущие густой смазкой и кожей сидений... Купили. А прокатиться не пришлось — ни тому, ни другому.

Так что не для Борьки зимние забавы. Для Борьки до весны — дом и школа. Но об этом думать не надо. Чего помирать раньше смерти...

На высоком песчаном яру показалось Банное. Старики говорят, еще лет двадцать назад яр далеко вдавался в реку, но весенняя вода его подмыла, и яр отступил к самому селу, к крайним домам. В этом году ухнул в воду Михалинин забор, пол-огорода. Бровка ярка теперь прямо под окнами. Михалина трясется: и жить над обрывом страшно, и дом переносить не хочет. Если переносить, то на дальний от реки край села, а кто ж ей попрет осетра или стерлядь через все село? Так и живет — одной рукой крестится, другой деньги гребет. По ночам ее окно светит над рекой, как маяк.

Борька бросил руль вправо. Лодка легла на брызгоотбойник, развернулась почти на месте.

Борька еще наддал гари, прицелившись меж двух «Казанок», поднял мотор и вылетел на заплесок под яром.

Едва лодка ткнулась носом в песок, вдруг обнаружилась жара. От раскаленного яра стекал к воде горячий воздух. В ушах, уставших от трескотни мотора, зазвучали привычные голоса: гудение паутов, плеск волны, набегающей под железное днище, ленивый лай собак наверху, в селе.

Мужик, возившийся с мотором на соседней «Казанке», сел на борт и отер пот со лба рукавом телогрейки.

— Земляк, закурить будет?

Борька протянул пачку. Тот показал замасленные пальцы. Борька перешагнул к нему в лодку, воткнул мужику в губы сигарету и поднес огня. Мужик задымил, блаженно щурясь на солнце, держа на коленях вывернутые кверху блестящие от масла ладони.

— Загораешь, ага?

— Загораю,— мужик кивнул на мотор.— Стучит, зараза, чуть не разваливается.

Борька достал отвертку, и с полчаса они в четыре руки колдовали над мотором, отмаргиваясь от паутов, лезущих в глаза.

Наконец Борька разогнулся, держа в руках шестерню со съеденными дочиста зубами.

— Полетел редуктор-то...

— Но,— мужик плюнул с досады.— Погулял те у зятя!

— А где зять-то?

— В Красном. К полдню ждали.

— Часа три гари...

— Но.

— А сам?

— Из Юганска.

Борька присвистнул.

Закурили по новой, сидя напротив на бортах «Казанки». Мужик покосился на Борькин «Вихрь».

— Продай редуктор?

— А я ладошкой погребу, ага?

Мужик в сердцах швырнул в воду злополучную шестерню.

— Ладно, я пока на гребях пойду, а ты шумни вниз, в Красное. Кольке Авдотьину — мол, тесть у Банного загорат. Пускай навстречу идет.

— Добро. Рыбу только сдам.

— Курева оставь.

— А ты горючки отлей. Она те без пользы.

Борька отдал мужику сигареты, заначив одну, и перелил в бачок его бензин. Покидал рыбу в рюкзак, прочно пропахший рыбьим жиром, и полез вверх по песчаному обрыву. Ему и в голову не пришло, что мужик может забрать его редуктор и смыться. Не бывает такого на реке.

Навстречу рванулся, заплясал на задних лапах перехваченный цепью за горло Дик, черный Михалинин кобель. Борька наклонился, будто за камнем, Дик совсем задохся от лая, заперхал слюной, чуть конуру за собой не поволок. Борька погрозил ему кулаком, поднялся на крыльцо и стукнул в дверь.

В окне колыхнулась занавеска, немного погодя со скрежетом отъехал засов, щелкнул замок, другой. Дверь приотворилась, и Борька шагнул в темный коридор. В нос ударил тяжелый рыбий запах. По всему коридору в три этажа сохли распластанные по хребту и распяленные спичками щуки и чебаки. Тучи зеленых, как бутылочное стекло, мух кружили над рыбой, копошились на желтом, с крупинками бузы рыбьем мясе, перелетали с одной вязанки на другую, будто выбирая, где слаще. Михалина, сама похожа на сушеного чебака — с маленьким, будто костяным носом, полуоткрытым ртом и круглыми сонными глазками, заперла за Борькой дверь.

— Принимай товар,— Борька сбросил с плеча рюкзак.

— Куда прешься! Здесь стой,— Михалина взяла рюкзак и ушла в комнату, плотно прикрыв дверь. В комнате над кроватью и столом тоже висели вязанки рыбы, облепленные хлопьями мух.

Михалина летом скупала рыбу по дешевке, сушила, а зимой запирала дом и ехала за Урал продавать у пивных ларьков. Продавала, говорят, по трояку чебачка и по червонцу щуку. Найти бы, где у ней деньги лежат! Уж Борька не стал бы с такими деньгами в этом мушином царстве сидеть.

.Тихонько ступая по скрипучему полу, он подкрался к двери.

— Думаешь, не слышу? — тотчас подала Михалина голос.

Борька, громко топая бродняками, отошел. Оглянулся на дверь, быстро вытащил нож и стал срезать вяленую рыбу с бечевки. Мухи возмущенно загудели, повисли вокруг зыбким зеленым облаком. Борька спрятал пару щук под энцефалитку, разровнял оставшуюся на бечевке, чтоб незаметно. Когда бедный берет у богатого — это не грабеж, а дележка, как говорил отец.

Михалина вышла из комнаты, сунула Борьке пустой рюкзак, мятую пятерку и подтолкнула к двери.

— Погоди, погоди... Ты че, за дурака меня?.. Я ж три ночи сетевал! По уговору-то...

— Уговор с отцом был, а тебе и того много.

— Хоть трояк еще дай!

— На вот,— Михалина выгребла из кармана мелочь, осыпала Борьке в ладонь и проворно вытолкала из дому.

— Сволочь старая! — не выдержал Борька.— Да чтоб я тебе еще хоть чебачка...

— Ой, напужал! Обойдусь!

— Гадина рыбоглазая!

— Лайся, лайся! Вот кобеля-то спущу!

Борька поднял камень и швырнул в оскаленную пасть Дика.

— Давай-давай,— сказала Михалина из-за двери.— Сейчас участкового позову.

— Я сам позову. Погладит он тебя по головке за осетра, за нельму!

— А участковый, думашь, щурят твоих сопливых ест?

Борька плюнул на дверь и пошел к магазину. Три ночи даром! Пять рублей с мелочью — четыре на водку, да чай, да соль. Ух, гадина!

Борька остановился, подумал, не пойти ли еще пугнуть чем-нибудь Михалину. И запылил дальше. Сколько б ни давала, а больше продать некому.

Ногой распахнул перекошенную, сквозящую щелями дверь сельмага, прогромыхал к прилавку. На прилавке светился желтый куб соленого масла, лежал узкий, чуть не до прозрачности источенный нож. На длинных полках стояли вперемешку туфли на тонком каблуке, кирзачи, духи, игрушки и пирамида «Завтрака туриста».

Из подсобки выглянула Верка, продавщицына дочка, Борькина одноклассница, худая девчонка с такими широкими скулами, будто за каждой щекой лежало по ореху.

— Ой, вырядился-то,— пропела Верка, выплывая к прилавку.— Флибустьер!

— Мать где?

— А нож-то чего нацепил? — не унималась девчонка.— Смотри, участковый увидит!

— Ты меня не трожь, я сегодня нервный!

— А нервный, так поди остудись,— Верка по-королевски сделала ручкой и шагнула обратно.

Борька перегнулся через прилавок, ухватил ее за косу и подтащил к себе.

— А носом в масло, ага?

— Пусти! Пусти, псих! — заверещала девчонка, отбиваясь острыми кулачками.

— Где мать?

— Ну, на огороде же! Я за нее,— Верка вырвалась и плаксиво заморгала.— Чего тебе?

— Чай.

Она швырнула на прилавок пачку чая.

— Соль.

Она молча положила соль.

— Водку.

— Паспорт покажи! — злорадно сказала девчонка.— Указ не читал?

— Сейчас покажу,— пообещал Борька, закипая. Злыдня Верка знала, что водка не для питья — для обмена на патроны и бензин.— И паспорт покажу, и еще кой-чего!

— Так уж и быть. По старой дружбе...

Борька спрятал чекушку в рукав, чай и соль положил за спину, в капюшон, внимательно пересчитал сдачу.

— Спасибо сказал бы,— миролюбиво предложила Верка.

— Перебьешься,— Борька хлопнул дверью и направился к яру.

У Михалининого дома огляделся, еще раз запустил камнем в Дика. И, не дожидаясь, пока старуха выскочит на крыльцо, соскользнул вниз на осыпающемся песке.

Мужика с «Казанкой» на берегу уже не было. Борька догнал его минут через десять. Земляк не греб, лежал на баке [1], закинув руки за голову, тихонько плыл по течению. Борька приглушил движок, бросил ему на грудь Михалинину щуку.

— На, пожуй пока.

— Не забудь: Авдотьин Колька. Тесть, мол...

— Добро,— Борька дал гари.

Внезапно захотелось есть, так остро, что засосало под ложечкой, Борька положил вторую щуку

---

[1] Носовая часть судна.

на колени и стал щипать свободной рукой жирное рыбье мясо. Засолено было круто, под пиво, и у Борьки скоро распухли, зачесались губы.

Берега сошлись ближе, горизонт изломали стрелы портовых кранов. Вскоре на отлогом берегу за стальной решеткой показалась нефтебаза — огромные резервуары на сварных козлах. У берега стоял, сбросив сходни на заплесок, плоский речной танкер. Вода вокруг танкера переливалась «павлиньими хвостами».

Борька приткнулся рядом с танкером, взял две канистры, водку, пролез под решеткой и направился к сторожевому балку, мимо длинной очереди заправщиков, перекачивающих бензин в свои цистерны. Коротко позванивал кран, подхватывая опустевшие резервуары и опуская полные. Под солнцем струились бензиновые пары, плыли, как жидкое стекло, над землей. Отсюда развозили бензин и солярку в город, на стройки, на буровые. Сколько же горючки жрет Сургут за день? Много, наверное,— вон сколько машин по обоим берегам Оби: «МАЗы», «КрАЗы» и «БелАЗы», «Ураганы», «Татры» и «Уралы», да автобусы, да легковушки,— и всем горючка нужна.

В балке парень в промасленной телогрейке, с желтым лицом и отекшими глазами сидел за столом — рубал яичницу. Борька поставил перед ним чекушку. Сторож тоскливо покосился на нее и опять склонился над сковородой.

— Здорово, земляк.

— Привет,— нехотя буркнул сторож.

— Мне полста литров. И масло. Как обычно.

— Нет бензина.

— Да ты что? — обалдел Борька.— А это чо, вода? — он кивнул на резервуары за окном.

— Нет бензина, ясно говорю. И не будет! — парень стрельнул глазами на дверь, сунул бутылку Борьке в руки, выпихнул из балка и нарочно громко крикнул:

— И чтоб я тебя больше не видел, понял? Ходят тут, понимаешь...

— Чо, погорел, .земляк? Так чо на меня-то орать?

— Давай, принимай сходни!

— Ладно... Попьешь ты у меня водочки, землячок,— закивал Борька.

— Отчаливай!

Борька поплелся обратно к берегу. Бросил пустые канистры, водку спрятал. Не пропадет. Авось не прокиснет.

А голодно уже до тошноты, до боли под ребрами. Борька сунул в рот сигарету — хоть закурить голод-то.

— Ты чо, земляк, головой ослаб? — с кормы танкера перегнулся матрос в засаленной «адидасовской» шапочке.— Где куришь-то?

Борька с остервенением рванул шнур. Всем он сегодня поперек горла стал. Чо ж за день такой високосный?

Вдали замаячил остров Подкова со знаком-зеброй на обрывистом приверхе [1]. Над бухточкой, открытой с другой стороны, по течению, торчали голые мачты яхт. На острове стоял дощатый яхт-клуб со смотровым фонарем над крышей, пестрой гирляндой сигнальных флажков на флагштоке.

Фарватер у Подковы раздваивался. Слева огибали остров по коренному руслу большие суда, справа, напрямик, по ходовой воложке шла речная мелочь. Вблизи города на реке стало тесно, Борька то и дело взмахивал рукой, указывая встречным моторкам, каким бортом разойтись.

Он уже прицелился было в воложку, когда по другую сторону Подковы вдруг показались белые треугольники парусов: две «мыльницы», два пластмассовых юрких «Финна» кланялись на мелкой волне, ходко скользили против течения. На переднем шли девчонки, поотстав, взяв круче к ветру, догоняли их ребята. Рулевые весело перекрикивались со шкотовыми, висящими за бортом на трапеции.

Борька недобро засмеялся. Очень кстати появились «капитаны», очень под настроение! Белые паруса над темной водой, голубые яхточки среди промасленных речных работяг, оранжевые спасательные жилеты — все было словно нарочно, в обиду Борьке. Огромный толкач принял к берегу, уступая им дорогу.

Борька срезал нос шарахнувшемуся от неожиданности обласу (мужик в ватнике погрозил кулаком) и на малой гари подошел к самому приверху, подмытому течением, под нависающие корни крайних деревьев. Ухватившись за корень, Борька осмотрелся — не видать ли тренера «капитанов» — и, чувствуя, как подымается в груди, перехватывая дыхание, злой холодок, рванул за яхтами.

«Капитаны» разом обернулись, узнали: Борька увидел, как сходят с лиц улыбки, шкотовые соскочили с трапеций, отчаянно замахали наблюдателю на фонаре клуба. Борька несся прямо на них. Краем глаза он схватил, будто сфотографировал: закрытые в ужасе глаза девчонок, отпрянувших к дальнему борту, бессильно сжатые кулаки ребят, матроса, с интересом глядящего из рубки толкача,— и проскочил между яхтами, едва не чиркнув их брызгоотбойником.

«Мыльницы» качнуло друг к другу, они стукнулись бортами, и тотчас накативший бурун разбросал их в стороны. Мальчишеская сразу упала парусом на воду, обнажив черный чугунный шверт, «капитаны» высыпались за борт. Девчонки устояли и торопливо поворачивали обратно к острову.

Борька, хохоча, как бес, весь в сверкающей водяной пыли, заложил крутой вираж и снова ринулся на них. Он обошел девчоночью «мыльницу» спереди, ухватил свободной рукой фальшлинь, свернутый аккуратной бухточкой на баке, и поволок яхту к берегу. Девчонки визжали, белобрысая рулевая размахивала жестяным черпаком, пытаясь достать Борьку по руке.

— Что ж ты делаешь, земляк? — грустно спросил громовой голос.

От подковы приближался, резал волну длинный тренерский «Нептун» на крыльях, с двумя рупорами-колокольчиками на бортах. Борька развернулся, положив девчоночью «мыльницу», и дал гари.

---

[1] Верхняя по течению оконечность острова.

— Куда ж ты, землячок? Куда ж ты так шустро-то? — прогремели рупора.

Борька стал раскачивать лодку вперед-назад. Ветер засвистел в ушах, капюшон бешено заколотил по спине. Лодка высоко взмывала носом, скользила, едва касаясь воды, гулко падала днищем, далеко разбрасывая клочья пены, и снова упруго отпрыгивала, грозя опрокинуться через корму. Борька метил в узкую мелкую протоку. Но разве удерешь от «Нептуна» с газовским движком! До спасительной протоки было еще с полкилометра, а «Нептун» нагонял его, как стоячего.

— Не торопись, землячок! Задохнешься...— жутко гремели колокольчики над самым плечом.

Тренер тоже, видно, знал про мелкую протоку, заходил сбоку, прижимая к берегу.

Борька резко сбавил гарь, и «Нептун» по инерции проскочил дальше. Тренер тоже сбавил ход, катер упал с крыльев на днище и закачался на волне. Борька уткнулся носом в широкую корму «Нептуна».

Тренер обернулся и поманил его пальцем.

Борька отрицательно помотал головой.

— Иди сюда,— сказал тренер.

— Не-а! — сказал Борька.

— Иди по-хорошему. Все равно ведь догоню.

— Догони сперва.

Тренер врубил передачу и стал разворачиваться. Пока скоростной, но неповоротливый «Нептун» описывал круг, Борька успел выиграть полста метров, но до протоки было еще раз пять по стольку.

Тренер догнал его, пристроился слева-сзади и стал потихоньку, нежно теснить к берегу. Впереди выстрелил в реку желтый песчаный закосок. Вот и все, не вырваться. Так на полной гари и вгонит в затонину, как мотыля в сачок.

— Ну что, приплыли, земляк? — ласково прогремел тренер.

Борька затравленно оглянулся: была не была! Он дал чуть влево, сошелся бортами с «Нептуном». И бросил руль направо, всем весом, даже голову откинув, навалился на борт. Лодку крутануло на месте, понесло по крутой дуге кормой вперед. Сверху, заслонив небо, надвинулся яр с неровными слоями разноцветного песка и глины, с воронками осиных гнезд, больно ударили по лицу прутья береговых кустов, визгнуло днище по песку — и яр отошел. Борька до волоска, до сантиметра вписался в рисковый поворот.

Тяжелый «Нептун» в азарте повернул за ним — и врезался в берег, на полкорпуса выскочил на заплесок. Тренер с размаху ударился лицом в рулевую баранку и будто прилип, замер.

Борька подошел ближе, заглушил движок.

— Эй, капитан!.. Капитан!.. Ты не убился там? Жив, нет?

Тренер медленно оторвался от баранки, отвалился на спинку. Посидел так, покачивая головой, с трудом поднялся и, придерживаясь за щиток, перешагнул за борт. Одна бровь у него вздулась и густо, дочерна пропиталась кровью. Кровь тонкой струйкой сбегала по щеке.

— Шить будут, ага,— авторитетно сказал Борька. Он достал сигарету, размял, скрывая дрожь в руках, прикурил.— Мне шили года два назад... Вот здесь... Когда шьют — ничего, вот когда нитки потом дергают — будто жилы тянут...

Тренер провел рукой по щеке, стряхнул кровь с пальцев, зашел в воду и стал обмывать лицо.

— Это ты зря,— сказал Борька.— Рубашку бы снял, не отстираешь... Куда ж тебя понесло-то, на этом утюге?

— Да... Не вписался...— тренер намочил платок и прижал ко лбу.

— Кардан, видно, погнул.

— Не иначе.

— Винт-то уж наверняка сломал.

— Это точно...— тренер болезненно поморщился, взглянул из-под платка на Борьку.— Дай хоть посмотрю на тебя, пират...

— Смотри,— разрешил Борька.— Не обеднею.

— Вот, значит, каков... Хорош...— тренер медленно переступал в воде, приближаясь к лодке.

Борька спокойно вытащил весло из уключины.

— Хорош...— сказал тренер, отступая. Он вышел из воды и присел на борт катера.— Голова что-то кружится...

— Закружится тут,— посочувствовал Борька.

— Спички есть?

Борька бросил ему спички. Тренер зажал коробок между ног, чиркнул, закурил, не отнимая платок от лица.

— Ты в какой школе учишься, пират? — спросил он.

— А тут, неподалеку. Два раза налево, три направо...

— Я ведь тебя все равно найду,— сказал тренер.— Из-под земли за уши вытащу. Только я тебя сам бить не буду. Я тебя на остров отвезу, к ребятам. Непедагогично, наверное, но с тобой иначе нельзя... Что ты к ребятам цепляешься? Реки тебе мало?

— Мало,— упрямо сказал Борька.— Пусть не королькуются здесь!

— А кто тут король? Ты, что ли?

— Я!

— Какой ты король! Крысенок ты! Маленький, завистливый крысенок.

— Ладно,— сказал Борька.— Загорай пока. А мне пора.

Он неторопливо кинул бычок в воду, толкнулся веслом от кормы «Нептуна» и взялся за пускач.

— Не попадайся больше,— негромко сказал тренер.— Я тебя, крысенка, пожалел. Другой раз вломлю в борт — будешь свою посудину по винтикам собирать.

— Ладно,— сказал Борька.— Свою пока собирай.

Он пошел обратно. Было уже за полдень, вовсю жарило солнце, а по небу будто «Буран» промчался, оставив длинный перистый след. Горючку с этими гонками Борька спалил чуть не досуха, но, увидев опять мачты над бухтой, не вытерпел. Нет, никак нельзя было пройти мимо, когда единственный достойный враг загорал на бережку с обломанным винтом!

Борька с лихого виража влетел в бухту. «Капитаны» толпились на пирсе. Белобрысая стояла с краю в одном купальнике, выжимала тельняшку. Пострадавшие «мыльницы» хлопали мокрыми парусами. «Капитаны» не расходились — ждали, когда тренер привезет им на расправу пленного Борьку или сообщит, что злейший враг получил, сколь полагается, и с позором сдан в речную милицию. Но теперь, увидев Борьку, победно бороздящего их собственную акваторию, остолбенели.

Борька совершил круг почета и остановился в двух метрах от них, напротив белобрысой, так и застывшей со скрученным тельником в руках. Встал, уперся ботфортом в борт, чуть покачивая лодку, и гаркнул:

— Здорово, капитаны!

«Капитаны» молчали.

— Чо приуныли? Не холодна водичка-то, ага? Как искупалось? — издевался Борька.

— Где «Нептун»? — спросил долговязый флагман с двумя аксельбантами на черной морской форме.

— Старшой-то ваш? А загорает на полдороге к Банному. «Надоели мне, говорит, Борька, эти сосунки. Только бы им играться — шнурочки да

погончики, ну их в омут! Пойдем, говорит, Борька, на муксуна!» А я: неудобняк, мол, заехать надо, попрощаться...

— Давай сюда,— мрачно сказал флагман.— Попрощаемся.

— Лучше вы сюда. На берегу-то вы все герои, флот лягушачий. Вы бы в ванне сперва потренировались... Ну чо, капитаны, погоняемся, ага? — Борька кивнул на две «Казанки», стоящие у пирса.

«Капитаны» не двинулись с места. Пробовали уже загонять Борьку и на двух лодках, и на трех — наглотались водички.

Белобрысая вдруг наклонилась к подруге и вполголоса сказала что-то, указывая на Борьку. Та прыснула, приседая, захлопнув рот ладошкой. Борька почувствовал, что неудержимо, во все лицо заливается краской. Ничего не боялся, только вот этих девчоночьих — искоса — взглядов и смешков.

— Накрылся ваш «Нептун», понятно? — яростно крикнул он.— Я вам теперь мачты-то пообломаю! А ты, белобрысая, слышь — в «мыльницу» не садись, утоплю!

Он пулей вылетел из бухты и пошел к городу. Достал нож, посмотрелся в лезвие — вроде чистое лицо. Оглядел энцефалитку, брюки, бродни — чего смешного-то? Тьфу, зараза, все настроение перебила. Тут же вспомнились сегодняшние неудачи — Михалина, земляк с нефтебазы. А главное, о чем старательно не думал весь день, главное — надо идти домой...

Мимо тянулся грузовой порт. Вдоль высоких причалов, увешанных гроздьями съеденных дорогой покрышек, стояли баржи. Колченогие краны, голодно урча, заглядывали с высоты, склевывали с палубы связку труб или ажурные конструкции для буровых. Стропали в оранжевых касках призывно помахивали рукавицами.

На воде тут и там плавали густые масляные пятна. Волны отражались от причальных стен, пересекались, всплескивали. Лодка загремела днищем по толчее, как телега по мостовой.

Борька вдруг с размаху хлопнул себя по лбу: заигрался с «капитанами», забыл, чуть не оборвал «речной телефон». Он посемафорил идущему следом «Прогрессу». Катер застопорил ход.

— Ниже пойдешь?

— Но,— бородатый детина в «Прогрессе» поднялся, разминая затекшие ноги. На сланях у него из-под брезента, будто прислушиваясь, о чем говорят, пялилась снулыми глазами огромная щучья голова. Кило на двадцать рыбка, не меньше.

— Где сетевал, земляк?

— На Агане.

На костяном щучьем загривке Борька разглядел ряд рваных, с мясом вывернутых ран. Не сетевал земляк — острогой бил.

Детина перехватил взгляд, ногой поддернул брезент.

— Чего семафорил?

— Шумни вниз, в Красное, Кольке Авдотьину: у тестя, мол, редуктор полетел. Передавал, пусть навстречу идет.

— Добро,— детина рухнул на сиденье, и «Прогресс», задрав нос, пошел вниз.

Часа через два новость дойдет до села Красного, и не известный ни Борьке, ни этому парню Колька Авдотьин поспешит на помощь тестю. Днем и ночью со скоростью моторной лодки разлетаются вверх и вниз по всей Большой Оби[1] новости «речного телефона», достигая самых глухих, ни в одной лоции не указанных проток...

Борька свернул в затон. Узкий мелкий затон с прокисшей желтой водой далеко вдавался в город, и по всей длине по обеим берегам плотно, бортом к борту стояли прихваченные замками к тяжелой корабельной цепи моторки, обласа, плоскодонки. Среди этой речной мелочи возвышалась и наполовину перегораживала затон «ТЕСка» — сварной рыбацкий бот с высоким коротким баком и низкой голой палубой, отполированной за многие путины тяжелыми сетями.

Списанную «ТЕСку» купил года три назад Юра Куйбида, напарник отца по заповедным пескам, и с тех пор неторопливо ремонтировал ее, любовно вылизывая каждый винтик. Летом и жил здесь, в кубрике, водил дела с разным людом, населяющим берега Большой Оби,— с хантами, буровиками, геологами, егерями, лесничими, знал, кажется, всех от Тобола до Агана, и все от Тобольска до Аганска знали Юру Куйбиду. Каждую осень колчак нещадно гонял Юру по заповедным протокам, потом Юра гонял с колчаками пришлых браконьеров; речная милиция охотилась за ним и к нему же шла за помощью: сюда, в кубрик «ТЕСки», тянулись ниточки «речного телефона» со всей Оби.

Борька постучал кулаком в высокий борт «ТЕСки».

— Дома?

В железном нутре бота гулко загремели шаги, в проеме ходовой рубки показался Юра в распахнутой до пояса, промокшей под мышками рубахе.

— Явился?

— Но.

Борька отвинтил мотор, рывком поднял его, Юра сверху подхватил, унес в рубку. Борька замкнул цепь, вытащил из брезента бельгийку и патроны — город не река, здесь что оставь — не отвернись, пропадет.

В кубрике было душно, сладко пахло машинным маслом. Стальные, круто расходящиеся к потолку стены раскалились под солнцем. Борька стянул энцефалитку, свитер, тельник, сел на рундук, привалился голой спиной к борту, блаженно прикрыл глаза — жжет...

На столе вполголоса бубнил ламповый древний приемник без футляра.

— Где был?

— За Банным,— ответил Борька, не открывая глаз.

Юра налил чаю, поставил перед ним жестяную кружку.

— Как поймалось?

— Ничо,— Борька громко подул на чай,— Ми-

---

[1] Большая Обь — водная система реки со всеми притоками, лабиринт водных путей, лежащий на огромной территории по обе стороны основного русла.

халина опять недодала. На чай, на соль только хватило, рубль остался.

Юра достал из нижнего ящика стола шкатулку с вылущенным перламутром. Борька вынул из нее тонкую пачку денег, вложил рубль и внимательно пересчитал, слюнявя пальцы.

— Сколько уже?

— Семьдесят два...— Борька задумался.— А куда ближе выйдет — на Черное или Ригу?

— Не знаю... Вроде одинаково. В Мурманске тоже мореходка.

— Не... Там холодно...

Юра спрятал шкатулку обратно.

— Сколько дома-то не был?

— С неделю.

— Сходи. Волнуются.

— Ага,— Борька сразу помрачнел.— Феликс особенно. Все в окно глядит: где же это, мол, Боренька-то наш...

— Ладно, Феликс. О матери думай, мать-то родная.

Борька махнул рукой, снова закрыл глаза. Юра склонился с надфильком над какой-то железкой в тисочках...

Но сколь не сиди, а домой идти надо. Почему надо, зачем — Борька и сам не знал, но раз в неделю, загодя тоскуя, мучась, шел. Он оделся, погромыхал к двери.

— Тесак оставь,— сказал Юра не оборачиваясь.— Не в лес идешь.

Борька снял чехол с ножом, бросил на рундук.

А в городе была суета, многолюдье. По проезжей части, выложенной из бетонных плит в два ряда, бесконечной чередой ползли, возвращались в парки грузовики, надолго застревали у перекрестков. Между ними сновали, сигналили, лезли прямо под огромные колеса пестрые легковушки. Рядом по тротуару — таким же плитам, кое-как брошенным в непросыхающую грязь, расходился по домам рабочий люд, гуляли под руку парочки, чинно раскланиваясь со знакомыми, мелькнувшими на другой стороне улицы в просвет между газующих грузовиков.

Борька сник в городе, будто даже ростом уменьшился. Доплелся до центра, купил семечек у кинотеатра, сгрыз здесь же, прислонясь к желтой облупившейся стене, разглядывая афишу с Мордюковой, и пошел дальше. Чем ближе подходил он к дому, тем труднее волок тяжелые бродни...

Дверь открыла мать, в самовязанном «адидасовском» свитере и джинсах. Выйдя за Феликса, она стала молодиться, краситься, как на модных журналах. Вон опять глаза до ушей нарисовала... А их с отцом встречала в старом халате, нечесаная, орать начинала еще из окна...

— Куда сапожищами! У двери снимай,— велела мать.

Борька покорно стащил бродни. Снял энцефалитку, потянулся к вешалке.

— На пол брось, пóльта провоняют.

Когда мать отвернулась, Борька понюхал энцефалитку, пожал плечами, бросил на бродни.

В комнате чисто, аккуратно прибрано и — хоть среди мебели не протолкнуться — как-то голо. Из-за кресла вышла Иришка, Борькина сестра, уставилась на него, сунув палец в рот. Борька показал ей козу, и сестра испуганно заковыляла на кухню к матери.

Борька побродил по комнате. Пригладил жесткие вихры перед стеклянной дверцей стенки. За стеклом разложены были чашки и блюдца с полуголыми мужиками и бабами.

— Чего тебе там надо? — выглянула мать с кухни.

— Чо, и подойти нельзя?

— Ешь вон иди.

— Не хочу.

— Ешь! Где болтался-то?

— Гулял.

— Гулял! Знаю я твои гуляния!

Борька сел за маленький кухонный столик, взял хлеб.

— Руки вымой!

Борька в сердцах бросил хлеб обратно в плетенку. В ванной он оглядел яркие тюбики, баночки, аэрозоли, посмотрел на руки — с черными ногтями, насмерть въевшимся в кожу маслом — и взял с полки кусок хозяйственного мыла.

Потом сидел на кухне, сдерживаясь, вяло, будто нехотя, жевал кашу. Из второй комнаты появился Феликс. Отчим был на пять лет моложе матери, но уже лысел и быстро наедал брюшко, как карась на жировке. Он сел напротив, закурил, помолчал.

— Здороваться будешь? Неделю не виделись.

— Привет,— буркнул Борька, не поднимая глаз.

— Все на реке торчишь? Не нагулялся еще?

Борька сосредоточенно жевал.

— Давай поговорим спокойно,— начал Феликс.

— Говорили уже.

— Да ты послушай! Дай хоть слово сказать... Ну, лето погулял — так ведь в школу скоро. Река скоро станет. На что она тебе зимой-то, лодка? С горы кататься?.. Ведь очередь подходит, ждать-то не будут — все за «восьмеркой» гоняются...

— Не отдам, зря стараешься.

Феликс откинулся на стуле, поиграл желваками, переглянулся с матерью.

— Да ты пойми, чудак,— начал он снова.— Не себе же машину — нам! Нам всем! В тайгу съездить, на рыбалку. Да просто по городу — а? со свистом! — то-то приятели твои рты поразинут! Машина у Борьки! В Тобольск поедем. Глядишь, за Урал выберемся, к морю. Подрастешь — на права сдашь, доверенность напишу... Да что ж ты за человек такой! — вышел из себя Феликс.— Для твоей же пользы! Мы с матерью целый день на работе корячимся, на тебя, дурака, да на Иришку вон. В один котел кладем, в одной семье ведь живем!

— Да?! — взвился Борька.— «Буран» отцовский продал — где она, моя польза? Вон он стоит, «Буран»-то! — он ткнул пальцем на стенку.— Дохнуть не моги, шагнуть не моги! Жметесь над своим барахлом, как... как... Спать скоро на полке будете, в обнимку с чашками своими! Вот тебе, а не лодку! — он показал Феликсу кукиш.— Утоплю, а тебе не дам!

— Да как ты разговариваешь! — закричала мать.— Ремнем сейчас!

— Ты-то хоть помолчала бы! Почем отца продала? За эти дрова? За машину?

— Я ж тебя... за это...— Феликс бросился на Борьку.

Борька отскочил, опрокинул стул, схватил молоток с подоконника:

— Не подходи!

Заголосила Иришка, мать подхватила ее на руки.

— Ты? На меня? — шипел Феликс, отступая.— Я ж тебя, гниду, из жалости содержу! Хлеб мой ешь!

— Землю лучше жрать буду, чем твой хлеб! Слаще будет! — Борька выбежал в коридор, кое-как натянул бродни, подхватил куртку, из-за порога уже бросил молоток на пол и скатился по лестнице под заполошные крики матери и надсадный рев сестры...

Продолжение следует

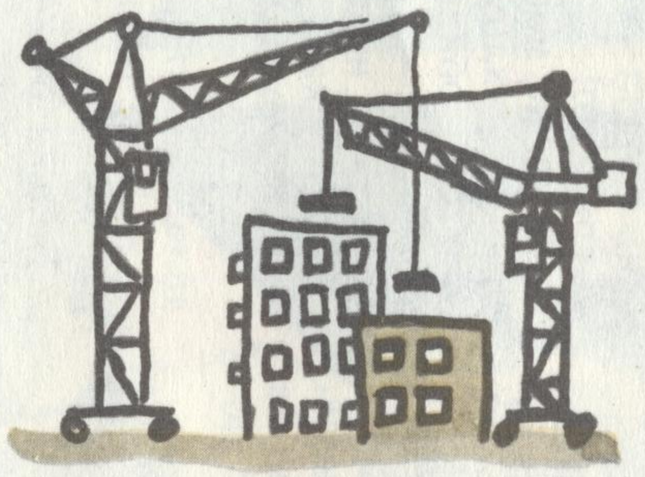
БАРАБАН

№ 1

журнал юнкоров печатает твои заметки, стихи, рисунки

СЕГОДНЯ У НАС В ГОСТЯХ ЮНКОРЫ КЛУБА «РАДУГА» КИРИШСКОГО ДВОРЦА ПИОНЕРОВ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
ОНИ ПРЕДЛОЖИЛИ: ПУСТЬ В НОВОМ ГОДУ «БАРАБАН» ВЫПУСКАЮТ ЮНКОРОВСКИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ НАШЕЙ СТРАНЫ
«БАРАБАН» СОГЛАСЕН

Биография города



Город, где мы живем,— самый молодой в Ленинградской области. Он родился в 1961 году, на месте небольшого поселка.

В тот год по решению ЦК ВЛКСМ он был объявлен Всесоюзной комсомольской стройкой. И на берегах седого Волхова выросли красивые многоэтажные здания, широкие улицы и проспекты, заводы и фабрики, школы и профессионально-технические училища.

Последняя новостройка — городской Дворец пионеров. Вместе со своими родителями, старшими братьями и сестрами его строили все пионеры нашего города.

Коля Новоселов,
7 класс

Дом, в котором я живу

Я живу на улице Строителей. В доме номер 15.

Наш дом можно назвать великанским, а людей, которые в нем живут, счастливыми. Ведь они получили новые удобные квартиры.

О многом думали строители, когда возводили наш дом. А вот о ребятах не подумали. Какая же это детская площадка, если на ней только качели. Выйдешь на улицу и не знаешь, чем заняться.

Такая же проблема у ребят, которые живут на улицах Пионерской, Комсомольской, Романтиков и на шоссе Энтузиастов.

Я считаю: если уж так получилось, мы должны решить сами эту проблему.

Паша Николаев,
школа № 7

Во время Великой Отечественной войны поселок Кириши фашисты сожгли дотла. Через него проходила линия Волховского фронта. Фашисты говорили: «Кто не бывал в Киришах, тот не знает настоящей войны». Сейчас о том времени напоминает только памятник — «Эхо войны». Памятник — это единственные развалины, которые сохранились от поселка. К памятнику приходит много народа, здесь всегда живые цветы.

Алеша Поточкин,
5 класс, школа № 3

Знамя

Мы получили письмо от ветерана Великой Отечественной войны Владимира Ивановича Кульбаки. Он просил узнать, занесено ли имя его друга — Семея Захаровича Бреславца — на мемориальную доску братских захоронений, которые находятся в нашем поселке. Пошли в поселковый совет и выяснили, что не занесли. Но нам сказали, что эта ошибка будет исправлена. И 9 мая прошлого года имя Семея Захаровича было высечено на гранитном обелиске.

К этому времени мы уже переписывались с его родственниками. Получили от них фотоснимок Бреславца, копии различных документов, рассказывающих о его жизни. Получили мы и старую военную газету, где была напечатана очень интересная заметка об этом воине.

Однажды во время боев фашисты вынесли на нейтральную полосу пионерское знамя с портретом В. И. Ленина. Они хотели, чтобы наши бойцы стреляли в это знамя. Но никто не стрелял. А что делать, не знали. Тогда С. З. Бреславец вызвался спасти знамя. Под сильным огнем противника он пополз к нейтральной полосе и там притворился, что убит. С задания он вернулся только утром. В его руках было спасенное пионерское знамя. За этот подвиг воин-комсомолец был представлен к награде. Но орден так и не успел получить. Вскоре он погиб.

Лена Воронцова,
5 класс,
Кусинская средняя школа

Лена Снежнова и Света Никулина входят в совет командиров нашего отряда. Однажды они решили узнать, почему Леша — один мальчик из нашей звездочки — хуже всех учится. Должна же быть причина. Пошли к нему домой и выяснили, что он не выполняет режим дня. Потом был трудный разговор с Алешей и с его родителями. И самое главное — положение изменилось в лучшую сторону. Двоек он больше не получает. Вот только с поведением еще не все в порядке.

Наташа Ситникова,
Глажевская средняя школа

В ДЕРЕВНЕ
Юра Ермоченко,
13 лет

Астра и другие

Дело было так. Приехала в Пчевжу. Иду по поселку и вдруг вижу — лошадь. Я страшно удивилась — ведь до этого лошадей я видела только в кино.

Спрашиваю: «А где она живет?» Мне говорят: «Как где? На конюшне, вместе с другими лошадьми».

В тот же день пошла на конюшню. Мне повезло, там были семиклассники местной школы Андрей Герасимов, Валера Нестерчук и Дима Григорьев. Они и познакомили меня со своими подшефными: Вербой, Орликом, Майкой, Мальчиком и жеребенком Астрой.

Когда Астра заметила, что я за ней наблюдаю, она стала со мной играть. Подбежит, а потом отпрыгнет и смотрит, наклонив голову.

Ну, а взрослые лошади вели себя по-взрослому, степенно и спокойно. Дима сказал, что все они по характеру разные. Орлик, например, ласковый и доверчивый. А вот Майка ведет себя нервно и очень боится машин.

Но самое интересное было потом, когда я уезжала.

Села в электричку, смотрю в окно и — глазам своим не верю. По полю, догоняя электричку, скачут на лошадях Дима и его друзья. А впереди всех — Астра.

Так и хочется сказать — моя Астра.

Диана Уразаева,
6-б класс,
школа № 8

„Барабан" бьёт тревогу!

У нас в Киришах — настоящая Перестройка. Как во времена Революции, на улицах — митинги, собрания, демонстрации. И все — в защиту окружающей среды или против бюрократов. А бывает и так, идут по улице две колонны демонстрантов. Одни требуют, чтобы биохимзавод закрыли. А другие, рабочие с БХЗ, хотят, чтобы его не закрывали. И не сразу поймешь, кто прав.

Мы, пионеры, тоже участвуем в демонстрациях. Я считаю, что это правильно. Где еще можно проявить свою позицию по такому важному вопросу?

Коля С.,
7 класс

Дорогой Коля, перестройка — это и есть революция. И если ты за перестройку, то почему испугался поставить под заметкой свою фамилию? Что же касается ваших демонстраций, о которых ты пишешь, то тут мы с тобой целиком и полностью согласны. Экологические проблемы Киришей уже не первый год волнуют всех защитников окружающей среды. Этому были посвящены многие их выступления в газетах, по радио и телевидению. А недавно «Барабан» получил письмо от шестиклассницы Юли Дорожкиной. Оно тоже на эту важную тему. Письмо Юли мы передали нашему корреспонденту В. Верховскому. Его очерк «Молекулы равнодушия» читай на соседней странице.

Сто девчонок и мальчишек

Столько ребят занимаются в нашем ансамбле. Самые маленькие по возрасту занимаются в группе «Студия». Потом есть группы «Голубки», «Юнги» и «Озорницы». Я — «озорница». Наш коллектив очень сильный. Когда в Киришах прошел третий тур городского конкурса классического танца, нам вручили Почетный диплом.

Постоянные выступления на сцене и репетиции, занятия в тренажном и балетном классах делают нас ловкими, грациозными, выносливыми.

Занимаясь в ансамбле, я немножко познакомилась с французским языком. Ведь балет возник во Франции, и многие движения имеют французские названия. Например, «демиплие» — маленькое приседание, а «грандбатман» — сильный бросок ногой.

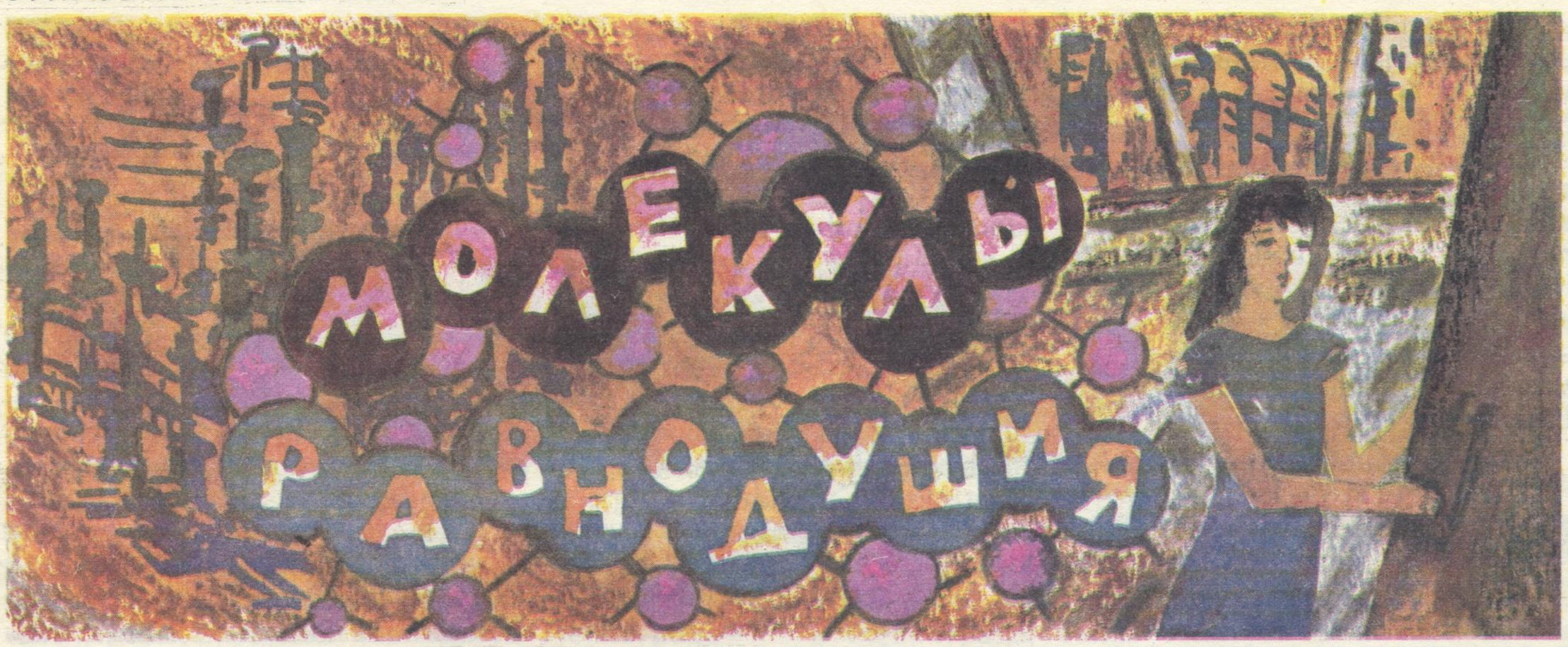
Наташа Шигина,
6 класс,
ансамбль «Русский сувенир»
Дворца культуры имени 50-летия Октября

Наша „Ромашка"

Теперь у нас в школе есть детский кооператив «Ромашка». Руководят им старшеклассники Эдик Киян, Сережа Черкесов, Сережа Шелеров и Володя Павлов. Что делают юные кооператоры? Они фотографируют пионерские сборы, встречи с ветеранами, театральные представления и просто заказчиков.

Одна фотография для заказчиков обходится в пятьдесят копеек. На эти деньги ребята покупают фотоматериалы. Многие пионеры нашей школы хотят вступить в «Ромашку». Но сделать это не так просто. Надо уметь фотографировать. Как этому научиться? Опять-таки в «Ромашке». Сейчас в ней десять практикантов — пионеров младших классов. Когда они научатся хорошо работать, их примут в кооператив. Практиканты стараются. Все они хотят скорее стать мастерами.

Юля Шелерова,
Светлана Жукова,
7 класс,
Пчевжинская школа



Первый раз за тридцать лет работы детским журналистом не знаю, что ответить юному корреспонденту.

«У меня мама с братом болеют от БХЗ — нашего биохимзавода. Мама работала там со дня его пуска. Сначала она работала в цехе № 1 — аппаратчиком выпарки. С работы ее привозили на диспетчерском автобусе, с приступами удушья. У брата ослаблен иммунитет. Когда мама болеет, я сижу с ними и пропускаю уроки. Мама вступила в Шестую секцию, которая борется за охрану окружающей среды. Мама развешивает объявления, чтобы все знали, когда будет новая демонстрация. На демонстрации приходит много народа. Я тоже хожу и видела, как режиссер Делов снимал мою маму для фильма «Обратное течение». А недавно к нам в класс приходили работники БХЗ и врачи. Детский аллерголог Мамонтова сказала: «Грибки Кандида есть заводские и человеческие. Заводских в нашем городе нет ни у одного человека, ни у детей, ни у взрослых». Еще было сказано, что «выбросов» не было. Мама говорит: «Если бы не было, я бы не задыхалась».

В День защиты детей, 1 июня, у нас в городе состоялся большой митинг. Его организовала Шестая секция. Члены Секции говорили об экологии и о том, что все должны бороться за здоровье детей. Об этом митинге я решила написать заметку, но в классе сказали, что я еще маленькая и мне не надо вмешиваться в такие дела.

Объясните, почему нельзя? Все, что делает Шестая секция, все это делается для нас — октябрят и пионеров. И почему за мир бороться можно, а за здоровье мамы и брата нельзя?

Теперь мама не работает на заводе. Врачи считают, что у нее тяжелое профессиональное заболевание от БВК — белково-витаминного концентрата, который она выпаривала. А в школе учителя по-прежнему утверждают: «БВК — очень ценный продукт, без него мы не проживем».

Кому же верить?

Юля Дорожкина,
6-б класс,
школа № 8
города Кириши».

И хотя я все делал правильно: поехал в Кириши, обошел с письмом Юли Дорожкиной всех — больших и маленьких — начальников, которые имеют отношение к этой истории, она не стала для меня ясней, наоборот — еще более озадачила и насторожила.

Разные начальники отвечали на мои вопросы по-разному, но все, как один, почему-то не забывали сказать, что я — не специалист по вопросам производства белково-витаминных

концентратов и что гласность — главное условие демократии и им нечего от меня скрывать.

А я и не утверждал, что я — специалист. Слушал и злился: как же так, не понимают, что первым делом надо помочь Юле? И только потом рассказывать или доказывать, есть ли вред от их завода или его придумали враги перестройки из Шестой секции.

Никаких врагов в Киришах я не обнаружил. Есть люди, которые не согласны с мнением начальства, и люди, которые его поддерживают.

«Странная логика,— думал я, размышляя на «вражескую» тему.— Если ей следовать, получится, что враги — это Юля, ее мама и я. Я тоже — не согласен».

Не согласен с Валерием Алексеевичем Быковым — министром медицинской и микробиологической промышленности. Год назад, на сессии городского совета народных депутатов, он сказал, что если в атмосфере города Кириши будет обнаружена хоть одна молекула БВК, завод не будет работать. И что же? Обнаружили не одну молекулу и не один раз, а завод как дымил, так и дымит.

Не согласен с председателем Киришского горисполкома Анатолием Михайловичем Земляным: «Биохимический завод был построен по решению правительства. И решать его судьбу вправе только правительство».

Почему только правительство? Разве жители города никаких прав не имеют? И сам он — тоже человек бесправный? И никогда не слышал о решениях XIX Всесоюзной партийной конференции!

Не согласен и с Людмилой Михайловной Мазуренко — начальником производственного отдела завода: «На сегодняшний день на заводе сделана действительно уникальная технология. Удалось достичь невероятного! Снизились выбросы белка до 50 граммов в сутки. Вдумайтесь, 50 граммов с уровня 120-метровой трубы. Конечно, сейчас накопилось очень много страстей: и мы иногда горячимся, и общество охраны окружающей среды горячится...»

Послушайте, Людмила Михайловна, как же не горячиться, ведь люди болеют, в том числе и дети!

И все-таки Валерия Алексеевича, Анатолия Михайловича и Людмилу Михайловну я хоть как-то могу понять — они верят, что очистные сооружения завода станут работать надежно, без сучка и задоринки. И с этой их позицией нельзя не считаться. А вот многих учителей и вожатых, и членов городского Совета пионерской организации я, честно говоря, понимать отказываюсь. Были указания говорить ребятам, что никакой опасности для их здоровья выбросы биохимзавода не представляют? Были! И вы успокаивали: «Дети, пожалуйста, не волнуйтесь и не верьте слухам». А потом они приходили из школы домой, и дома родители им говорили, что это — не слухи, а правда.

Кто-кто, а вы-то прекрасно знаете: самое страшное — даже не БВК, а молекулы неискренности и равнодушия! Так что же вы их расточаете? Как же так вышло, что пионеры — по одну сторону баррикад, а вы — по другую. В истории всесоюзной пионерской организации такого еще не бывало.

Не Волхов, а большая, устремленная в небо заводская труба разделила город на две части. И когда она дымит, многие думают: будут выбросы или нет? Стопроцентной гарантии, что выбросов не будет, никто дать не может.

Когда я уезжал из Киришей, она дымила.

И когда я о ней вспоминаю, я вспоминаю о Юле Дорожкиной.

Худенькая девочка в ситцевом платьице, открывая дверь, зябко повела плечами.

— Думала, что это мальчишки кота принесли.

— Какого кота?

— Да нашего Ваську. Целую неделю домой не приходит.

— Понятно. А теперь давай познакомимся. Знаешь, мы решили напечатать твое письмо. И вообще, ты — молодец! Правильно сделала — не побоялась написать правду.

— Ну и что,— устало ответила Юля.

В. ВЕРХОВСКИЙ

На обложке этого «Костра» — рисунок художника Алексея Пахомова. На рисунке — салют. Салют в честь снятия блокады Ленинграда...

Это был радостный день: конец блокаде! Все, кто мог тогда выйти на улицы города и порадоваться салюту, ликовали и обнимались. Конец блокаде! Сюда в Ленинград могли идти поезда и везти жителям хлеб, топливо, одежду...

Далеко ушли эти жестокие, тяжкие годы войны — ленинградская блокада. Сорок пять лет со дня ее снятия отмечаем мы. Все меньше и меньше людей, которые пережили блокаду, которые помнят ее. А помнить нужно, чтобы такое не повторялось, чтобы не было войн на земле.

О блокаде, о том, как спасала страна тех, кого вывозили из блокадного Ленинграда, как они жили и выжили — рассказ, который ты сейчас прочтешь.

ЦЕНА ХЛЕБА

Виталий КОСТЫЛЕВ РАССКАЗ **Рисунки О. Филипенко**

Лютой февральской зимой сорок второго года эвакуировали нас из блокадного Ленинграда — меня, мальчонку-одуванчика, дунь — и нету, и худую, как жесть, маму. Отец остался: работал на оборонном заводе. Вывезли нас в автоколонне, в грузовике, по льду Ладожского озера — по знаменитой Дороге жизни.

Мы с мамой могли, как и наши спутники, сто раз замерзнуть. И не замерзли! Фашисты бомбили колонну с эвакуированными. Наш грузовик даже не задело осколком!

Но самое удивительное увидел я, когда наша машина сошла со льда, промчалась проселочной дорогой и стала в какой-то лесной деревушке, у здания колхозной конторы. Я только ступил на землю, как бросилось в глаза: у стенки соседней избы стоял мальчишка моих лет — с собакой! Четвероногие исчезли в Ленинграде в первую же голодную зиму. Еще удивительнее: мой сверстник отламывал кусок за куском от целой горбушки хлеба! Один кусок в рот, другой, поменьше, собаке. Да это же горбушка — недельный блокадный паек!

Я так и подался к мальчишке. Он попятился от меня, от моих, верно, злых и голодных глаз, но потом сунул мне в руки горбушку:

— Ленинградец?

— Угу...

— Маманя! — бросился парень в избу.— Ленинградцев привезли. Голо-одные.

Я проглотил хлеб, забыв о строгом предупреждении начальника колонны: к еде на Большой земле привыкать постепенно, в первый день — не больше трех блокадных пайков.

Вернулся я к машине — в животе зарезало острыми ножами, лоб покрылся испариной. Позвали колхозного фельдшера, тот решил:

— Тиф! Немедленно изолировать!

Пришлось мне признаться: только что съел большую горбушку хлеба. Кликнули мальчишку, он подтвердил, и обрадованный фельдшер поставил другой диагноз: с голодухи.

Эвакуированных отвезли на железнодорожную станцию и распределили кого куда: на Урал, в Казахстан, в Сибирь. Нашу семью направили на мамину родину, в Архангельскую область: там, в деревне на Ваге-реке, жила наша бабушка.

Дверь дома, в котором родилась мама и жила до отъезда в Ленинград, открыла толстая женщина. Я выпучил на нее глаза: спекулянтка! У нас, в Ленинграде, такие толстухи в начале войны торговали на базарах, драли с людей, как могли, и жрали, видать, по десять иждивенческих карточек.

— Исхудали-то: кожа да кости! — всплакнула толстуха.— А я растолстела — прямо неловко перед вами, худобами. Да теперь-то уж похудею: запасов-то у нас, милые, только соль, мыло да спички.

Мы с мамой как эвакуированные стали получать по продовольственным карточкам по двести пятьдесят граммов хлеба — вдвое больше, чем в Ленинграде! Колхоз выдал бабушке мешок зерна. «Свези его на мельницу — сколько муки по лоткам осядет!» — посоветовалась бабушка с мамой. Смололи зерно дома, на ручной мельнице.

Мать все чаще добавляла в муку толченую сухую картошку, потом — и картофельную кожуру. Тогда-то и выручили нас бабушкины запасы. Соль, мыло, спички в мирное время товар копеечный, но не стало в войну этих нужных в хозяйстве вещей — мы стали выменивать их на хлеб и другие продукты. Бабушка худела. Но не так, как мы в Ленинграде,— в горе, а весело, с шуточками: «Были бы кости, после войны опять потолстею».

Наступила весна — мы с мамой вскапывали грядку за грядкой, сажали все подряд. Бабушка сперва нам помогала, а потом взмолилась:

— Куда вам столько? На пять зим не запасешься!

Тут мы с мамой пришли в себя: впрямь на пять зим овощами да картошкой не запасешься: не хватит ни кадок, ни погребов.

В колхозе мужчин — хромой да безрукий, вся сила на фронте. А в поле за плугом идти, говорили в деревне, мужчине — оратаю. Доверили нам, двенадцатилетним.

Деревенские мальчишки поглядывали на меня: как я, городской, коня поставлю в оглобли? А на что мне глаза?

Привычно ступает конь в борозде, похрапывая с натуги, режет землю сверкающий плуг, переворачивает ее низом на солнце. Борозда к борозде, радуется сердце. Но как наливаются тяжестью ноги к концу рабочего дня!

Сверстники удивляются: пью мало воды. Даже в жару. Я отмалчиваюсь. В Ленинграде не раз

объявляли по радио: в голод нельзя много пить, вредно, начнешь пухнуть, лучше худеть до костей. Голода, как в Ленинграде, в деревне нет. Но не едим ведь в семье до самого сыта...

Бабушка у нас замечательная! Принесет мне в поле обед, выберет место от ребят в стороне: у них молоко да житники, а у нас — квас да лучок. «Нальется колос — с первого обмолота таких калачей напеку!» — нашептывала для сытности бабушка.

И вот колос налился. Это сейчас на полях комбайны — и жнут, и молотят, и машины зерном нагружают, только что караваев не пекут. А в ту пору хлеба в наших местах убирали вручную, хорошо, если где прострекочет жатка-косилка.

Для нас, подростков, выпала снова работа — возить снопы с дальних полей в амбары.

Сидишь на возу, знай коня понукаешь. Старый конь обойдет по дороге любую колдобину, а у меня в оглоблях — молодой и неопытный, глаз не свожу с дороги.

Приметил: к вечеру на колее все больше и больше птиц, от воробьев до горластых ворон. Кормятся зерном с подвод: натрусится за день, особенно у колдобин. Постелить половичок на телегу — не пропадет ни единого зернышка!

— Ну, ленинградец! — удивился моему предложению хромой Игнатий Макарович, кладовщик, что от нас снопы принимал в амбарах.— Стой, ребята! Нечего ворон раскармливать, клади на телеги половик или простынь, что пошире.

С первого обмолота испекла бабушка калачей — объеденье! Послать бы отцу в Ленинград. Но пишет он: город в блокаде, письма, как и при нас, сортировать на почте некому.

Быстро опустели колхозные поля — хлеб нужен фронту. Потянулись птицы на юг, бабушка подсказала: за кузовок да в лесок, студеной зимой каждый гриб — праздник.

Пошел я за грибами, по пути завернул на знакомое поле, откуда возили снопы. Осиротело поле без снопов, без людей. Правда, бродят вороны — не по всему полю, крутятся на пятачках. Не там ли скирды со снопами стояли?

Подошел к вороньей площадке — колосков на земле! Нагнулся, колосок за колоском — целый день собирал. Набил колосками кузовок, наполнил корзину.

Понес добро кладовщику в амбар, а он с председателем колхоза амбарные замки проверяет.

— Ну, ленинградец! — опять подивился Игнатий Макарович.— Не зернышками, так колосками глаза нам колет.

Председатель запустил руку в корзину, пошелестел колосками:

— Н-да... Значит, правильно в центре решили: приказ пришел — всех, кто на ногах держится, на колоски!

Надоедливая работа — собирать колоски. В кровь исколешь руки о стерню. В ясный день солнце еще припекает в спину — плохо, в ненастье дождиком прохватывает насквозь — еще хуже.

Особенно устали на самом дальнем от деревни поле. Всем хотелось сбор колосков на нем закончить, чтобы не топтать снова дальнюю дорогу, работали дотемна. Собранное за день снесли в одно место — на ровном поле выросла внушительная копна. Стемнело, отвезти колоски в амбар решили утром. Пирамидку добра укутали на ночь — от ветра и сырости — соломой. Охранять колоски до утра вызвалось с пяток ребят.

К ночи к дежурным прибежал и я, дождавшись, когда уснет захворавшая мать. Ночи в сентябре на Севере холодные — у ребят горел костер. Слышался смех: ребята по очереди предлагали, что сделать с Гитлером, когда он попадет в плен.

— Повесить! А то сбежит — опять война начнется. Как по-твоему, ленинградец?

— В клетку! И кормить гада по нашей ленинградской иждивенческой карточке — 125 граммов в день!

Пламя костра обжигало лицо, но спину прихватывало осенним сырым холодом. Решили играть в чехарду.

Вдруг испуганный крик: «Горит!»— заставил всех вздрогнуть: куча колосков взялась пламенем. Что, как, почему? От искры нашего костра? Колоски с соломой для огня — минутное дело!

— Скорей! — крикнул я, сорвал с себя ватник, подбежал к пожару и стал накрывать ватником пляшущие языки огня. В ход пошли шапки, пальто, пиджаки — кто в чем был одет: думали пригасить одеждой. Он было ослабел, да вдруг вспыхнул с новой силой.

В голове моей пронеслось быстрее молнии: Ленинград, очередь у магазина, выгрузка продуктов, бомбежка, зажигательная бомба упала на ящик с макаронами, женщина бросилась на огонь, притушила телом...

Да я же ленинградец! Я же пионер! Держа перед собой ватник, я бросился в огонь, упал на ватник, на пламя. И тут в голове моей все перемешалось: Ленинград и бабушкина деревня, колоски и ящик с макаронами, иждивенческая карточка и широкие поля хлебов. И еще, очень радостное: наконец-то догадались подпилить снизу, с воды, наши ленинградские острова! Они, как корабли, снялись с якорей и пошли на врага, стреляя из всех береговых орудий, боевые и грозные. Впереди, словно линкор, самый большой — остров Декабристов. За ним, как эсминцы сопровождения, Аптекарский и Елагин. Петропавловская крепость, отделенная Кронверкским проливом, набрала скорость и возглавила острова-корабли. Как загремели-застреляли форты крепости, как засиял-засверкал Петропавловский шпиль! Ур-ра! Прорвали блокаду!

— Опять простынь порвал! Он со своей блокадой все простыни в больнице порвет! — послышался недовольный женский голос.

Глаза мои приоткрылись — я увидел перед собой женщину в белом халате. Врач?

— Что с колосками? — закричал я.

Женщина склонилась ко мне:

— Водицы испить? Колоски? Какие колоски? Ах, про те, колхозные. Гляди — не забыл. Спасли твои колоски, что с ними сделается. Ты бы лучше про своих ребят спросил, на что подбивал их.

— Живы? — опять закричал я.

— Громче говори, чуть шепчешь. Живы, живы

твои ребятки. Кабы не были живы, кто бы тебя, дурачка, спас. Кожей своей поделились с тобой. Ты теперь по коже перед каждым из них в долгу. Ну, думаю, если помрешь, то нет у тебя ни стыда, ни совести! Дай-ка я тебе покажу письмецо материнское. И от бабушки приписочка: «Кто на колосок плюнет, тому каравай не дорог». Вот какая у тебя бабушка...

Оказывается, я лежал в палате неходячих. За всеми нами ухаживала няня, женщина в белом халате.

Тело мое гудело. Мне рассказали: так меня опалило пожаром, что я потерял сознание. Спасли ребята, сообщили в деревню, меня быстренько отвезли в районную больницу. Там сделали пересадку кожи. В сознание я не приходил — самолетом отправили в Архангельск, в областную больницу.

Соседи по койке просказались, что я в бреду кричу о прорыве блокады. Мне врачи делали новокаиновые, обезболивающие блокады — больные думали, что я воюю с новокаиновыми. Потом узнали от медперсонала, что я эвакуирован из Ленинграда, все поняли.

Когда я опять погружался в беспамятство, острова-корабли Ленинграда защищали меня от фашистов сплошной стеной огня.

Январским днем, в одно такое беспамятство, когда я снова рвал на себе рубашку, в палату вбежал мальчишка, он приносил нам за больничный хлеб газеты из киоска, и заорал во всю глотку:

— Прорвали! Блокаду прорвали! Слизь буду — не вру! Пайку, ленинградец! Всю давай!

Я пришел в себя, с первого слова поверил.

— Салют из всех орудий! Еще! Еще раз! — кричал я.

Никто не подумал в палате, что я снова в бреду, наоборот — поддержали меня:

— Салют! Салют! Выживешь теперь, ленинградец! Совесть надо иметь — выживешь!

И я выжил.

Начиная с сегодняшнего номера, ребята, вы будете регулярно находить в «Костре» рассказы о приключениях пионера Пети Кука[1] и его друзей — роботов из страны Роботландия. В этих приключениях Петя встретится не только с опасными препятствиями, но и с хитрыми задачами. Вы можете помочь Пете, решая эти задачи. Ответы надо присылать по адресу:

193024, Ленинград, ул. Мытнинская, 1/20, журнал «Костер».

На конвертах обязательно напишите: «Путешествие по Роботландии». Срок отсылки ответов не позднее трех недель со дня получения журнала.

Ваши решения будут проверены, и в одном из следующих номеров «Костра» вы сможете прочитать, кто лучше других справился с заданиями. Журнал будет помещать также правильные решения и обзор типовых ошибок.

В путешествие по Роботландии мы отправляемся надолго — до конца 1989 года (правда, с летними каникулами). По окончании путешествия имена школьников, которые будут отвечать регулярно, правильно и аккуратно, будут опубликованы в «Костре». Авторы лучших ответов получат звание почетного гражданина Роботландии и Магистра роботландских наук.

Ждем ваших писем, ребята.

[1] Когда этот материал набирался в печать, стало известно, что прадед Пети был Кукушкиным, но во всем ценя краткость, повелел именовать себя Куком и оставил эту фамилию своим потомкам.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ПЕРВОЕ. ИНФОРМАЦИЯ ВОКРУГ НАС

Петя Кук живет в Переславле-Залесском и учится в 4-б классе. Петя совсем не родственник великого мореплавателя, прославившегося необычайными путешествиями. И все же то, что случилось с Петей этим летом, ничуть не менее удивительно. А так как Петя — активный юнкор «Костра», его путевые заметки станут теперь известны читателям.

Однажды Петя отправился на прогулку вокруг Плещеева озера. Он любил такие лесные прогулки. Но на сей раз путешествие затянулось: Петя явно заблудился. Солнце садилось за горизонт, сгущались сумерки, а незнакомый лес не расступался. Наоборот, чаща совсем скрыла небо над головой. И вдруг перед Петей открылась поляна. На ее краю красовались большие тесовые ворота с удивительной надписью. Петя подумал: «Буквы старинные, а надпись, кажется, очень современная — РОБОТЛАНДИЯ. Это что же такое — страна роботов?» Вспомнил — на берегу Плещеева озера издавна собираются программисты. Не их ли рук дело — страна Роботландия? Забыв о страхах и усталости, Петя подбежал к воротам. За воротами и в самом деле Петя оказался словно в другом мире. Красивый городок. Ровная улица из домиков-коттеджей была пустынна. Петя с интересом шагал по улице, читая на домиках названия. «Это, наверное, фамилии жильцов — Машинист, Перевозчик, Раскрашка, Буквоед, Плюсик, Маподума, Монах, Переливашка, Конюх... Странные фамилии!» На последнем доме стояла всего одна буква «Т». Но именно здесь горел свет, звучала музыка. Петя постучал.

Дверь открылась быстро. Петя сразу понял, что на пороге стоял хозяин дома,— это нетрудно было узнать по большой букве «Т» на груди. Длинноусый и загорелый («А, может, подкрашенный»,— мелькнула мысль у Пети), он был рад гостю: улыбался и приветливым жестом приглашал войти.

— Петя Кук, — скромно представился юнкор «Костра».

— А меня зовут Кукарача,— ответил новый знакомый. Петя удивился: почему же «Т»? — Заходи, Петр, у меня сегодня день рождения.

Большая комната была заполнена удивительными существами. Все они оживленно разговаривали друг с другом. Не мешая гостям, Петя присел на лавочку, где обсуждали свои проблемы высокий, серьезный робот Буквоед и его энергичный, очень подвижный приятель Плюсик. По юнкоровской привычке Петя вынул из кармана блокнот и карандаш.

Плюсик.— Коллега! Я утверждаю, что информация — это различные сведения, которые роботландец получает или передает другому роботландцу. Вот сейчас я передал вам информацию о том, что такое информация.

Буквоед.— Спасибо. Вы могли бы привести еще примеры?

П.— Пожалуйста. У меня в левой руке две монеты на сумму 15 копеек, одна из них — не пятак. Вы приняли мою информацию?

Б.— Да, да. У вас две монеты, одна из них — не пятак. Я запомнил. Что мне делать с вашей информацией?

П.— Подумайте и ответьте, какие монеты у меня в руке.

Б.— Но такую информацию вы мне не давали!

П.— Вы можете ее получить, обработав полученную.

Б.— Среди двух монет нет пятаков, значит... Но это невозможно! Вы же не скажете, что у вас монеты 7 и 8 копеек?

П.— Вы исказили мою информацию. Я не говорил, что среди монет нет пятаков, я сказал, что одна из них — не пятак.

Б.— Понятно! Очень хитрая задача. Одна из них — не пятак, но другая именно пятак, и тогда та, что не пятак,— 10 копеек. Ответ: у вас в руке две монеты достоинством 5 и 10 копеек.

П.— Верно! Я вам передавал эту информацию?

Б.— Нет! Значит, обрабатывая информацию, можно получать новую информацию. Давайте подытожим нашу беседу.

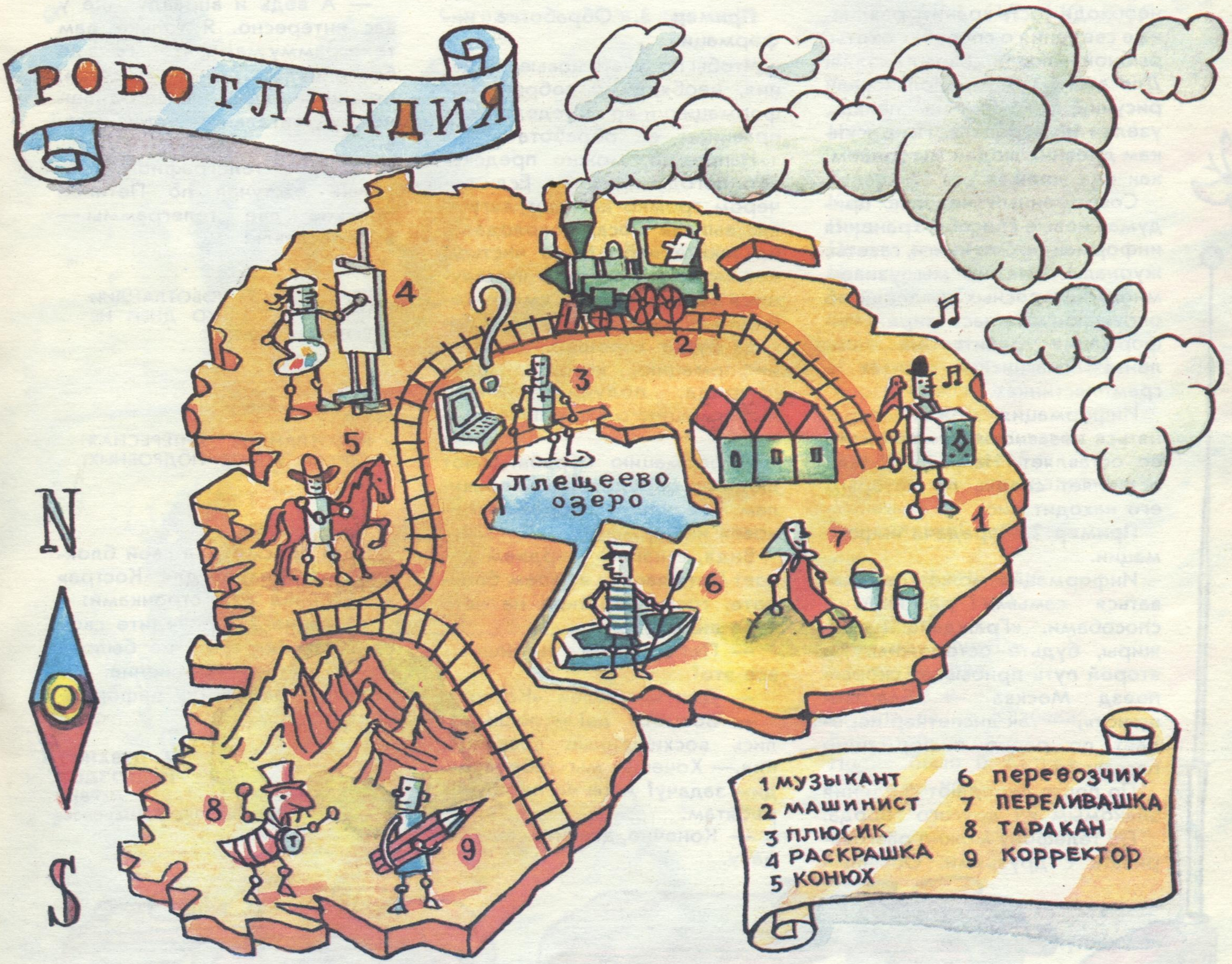
Информация — это различные сведения. (У меня две монеты на сумму 15 копеек. Одна из них — не пятак.) Информацию можно передавать. (Голосом, письмом.) Информацию можно хранить. (Например, в памяти.) Информацию можно обрабатывать. (Для этого нужно подумать.)

При обработке информации появляется новая информация. (Одна из монет — 10 копеек, другая — 5 копеек.)

— Раньше вы говорили, что информация передается только от роботландца к роботландцу. Думаю, это не совсем верно. Ведь информацию передают друг другу и животные, и растения. И еще, информация — это сведения. А что такое сведения?

П.— Сведения? Хм... сведения... ну, сведения — это информация.

Б.— Вот, мы пришли к тому, что информация — это... ин-



формация. Так что же это такое? Получается, что понятие «информация» нельзя объяснить.

П.— В таких случаях, когда понятие трудно объяснить, пользуются пояснениями и примерами.

Петя не удержался и задал свой вопрос собеседникам:

— Так что же можно делать с информацией?

Б.— Ну, информацию можно хранить, передавать, обрабатывать.

П.— Прекрасно. Давай, приведем несколько примеров, и Петя увидит, как это понятие сразу станет более ясным.

Пример 1. Хранение информации.

Давным-давно, тысячи лет назад, когда на земле жили первобытные люди, возникла необходимость хранить различные сведения о способах охоты, рыбной ловли, земледелия. Для этого люди использовали рисунки, зарубки на палках, узелки на веревках. По рисункам древних людей мы узнаем, как они жили.

Современный человек придумал новые способы хранения информации. Это книги, газеты, журналы. Из них мы узнаем много интересных сведений об окружающем нас мире. Информация хранится на кинолентах, магнитных лентах и грампластинках.

Информация может сохраняться независимо от того, кто ее оставляет. Например, заяц оставляет следы, по которым его находит лиса.

Пример 2. Передача информации.

Информация может передаваться самыми различными способами. «Граждане пассажиры, будьте осторожны. На второй путь прибывает скорый поезд Москва — Благовещенск», — так диспетчер передает по радио информацию пассажирам.

По почте передают сведения знакомым из другого города.

По телефону можно разговаривать с друзьями. Обычный разговор без телефона — это тоже способ передачи информации.

Передавать сведения можно жестами. Так, используя взмахи флажками, моряки передают приказ командира.

Животные и растения тоже могут принимать и передавать информацию. В Индии есть заросли стыдливой мимозы. Стоит дотронуться до крайнего растения, как вся заросль приходит в движение: все листья сворачиваются. Так растения сигнализируют друг другу, например, о приближении тропического ливня.

Информацией обмениваются технические устройства. При записи мелодии с проигрывателя на магнитофон, например, информация передается с грампластинки на магнитную ленту.

Пример 3. Обработка информации.

Чтобы получать новые сведения, необходимо собрать информацию и по определенным правилам ее обработать.

Например, можно предсказать погоду на завтра. Если вечером громко квакают лягушки, выпала роса, похолодало, на закате небо было чистым, нет ветра и в воздухе чувствуются запахи, можно смело собираться в поход — завтра погода будет хорошей. Собирая информацию, которую дает природа, получают новую информацию о завтрашней погоде.

Информацию обрабатывают люди по определенным правилам. Результат обработки — новая информация.

Видя, с каким усердием делает Петя записи в своем блокноте, гости обратили на него свое внимание.

— Петя, для кого ты пишешь все это?

— Для читателей «Костра».

— Вот это да! — послышались восхищенные восклицания.— Хочешь, мы тебе зададим задачу? А ты ее передашь ребятам.

— Конечно, давайте вашу задачу.

Вот она:

Задание 1. Пошел котенок Васька в лес позавтракать. Попробовал бруснику — кислая. Попробовал гриб-боровик — горький. Видит: лежит в траве комочек взъерошенный. Ну, думает котенок, тобой и позавтракаю. Хотел он лапой подкатить комочек поближе, да как закричит: «Ой!» Комочек ежом оказался. Сел Васька, задумался. Подумал он и решил, что лучше с ежом не связываться, а поесть кислых ягод да горьких грибов.

Вопросы. Как описана в этом рассказе обработка информации? Какую информацию обработал Васька? Где она хранилась? Как Васька ее получил?

Было поздно, но гостеприимные друзья-роботы стали уговаривать Петю остаться.

— А ведь и вправду мне у вас интересно. Я только дам телеграмму маме, чтобы она не беспокоилась, и в «Костер», чтобы сообщить о сегодняшнем удивительном происшествии.

Робот в телеграфном окошечке отстучал по Петиной просьбе две телеграммы — в Переславль:

ВЕРНУСЬ ИЗ РОБОТЛАНДИИ ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ НЕ ВОЛНУЙСЯ ПЕТЯ

и в Ленинград:

РОБОТЛАНДИЯ ИНТЕРЕСНАЯ СТРАНА ЖДИТЕ ПОДРОБНЫХ ПИСЕМ
КУК

Петя просмотрел свой блокнот с материалом для «Костра» и закончил его строчками:

«Задание 2. Приведите свои примеры (которых не было в этом тексте) на хранение, передачу и обработку информации».

А. ДУВАНОВ,
Н. ДРОЗДОВ,
Е. ПЕРВИН
Оформление В. Шаронова

Владимир КОЖЕМЯКИН

ЗАСНЕЖЕННЫЙ АРТЕК

В снегу Артек —
Вот это да!
А я-то думал,
Что в тепле
Купается он, как всегда,
Хотя зима на всей земле.

Ну, удивил меня Артек
Сугробами седыми!
Я, словно снежный человек,
Блуждаю между ними.

Вот пальмы белые,
Они,
Как лебеди, крылаты.
Мне кажется,
Чуть их вспугни —
И улетят куда-то.

Цветет душисто мушмула
Вдоль парковой аллеи.
В снегу она не так бела,
Но аромат — слышнее.

А кипарисы,
Как цари,
Взирают сверху вниз.
Попробуй,
С ним заговори,
И скажет кипарис:

«У нас не Север,
Не Певек,
А южный берег Крыма —
Через денек
Растает снег:
Тепло непобедимо!»

И так мне станет жаль зимы
За робкие шажки...

Пока не поздно,
Может,
Мы
Сыграем с ней в снежки?!

МОРЕ

Море ворчит,
Море вздыхает,
Гальку на пляже считает.
Ночью затихнет,
Но на рассвете
Снова вздыхает...
О лете.

Море устало
Кидаться на скалы,
Море замерзнуть мечтает.
То замирает,
В штиле забывшись,
То пробуждается,
В шторме забившись...

Нету покою
Теплому морю.
Как же зимою
Помочь его горю?

ЛЕГЕНДА ОБ АЮ-ДАГ

Откуда он пришел,
Такой медведь большой,
Дремучий, беспородный,
Но очень благородный?

Теперь не это важно,
Как хочешь,
Верь — не верь,
Но это был отважный
И осторожный зверь.

Спустился с гор однажды
Он жажду утолить
И стал от сильной жажды
Морскую воду пить.

Но горькая водица —
Она не для зверей.
Медведь не мог напиться,
А жажда —
Все сильней!

И пьет он эту воду
С утра и до утра...

Украсила природу
Косматая гора.

И хоть ей до Казбека,
Как мухе до слона,
Но не было б Артека,
Когда бы не она.

Рисунок Н. Куликовой

ЛЮБИМЕЦ ГОРОДА - Вински

ААПЕЛИ

ПОВЕСТЬ

Рисунки В. Лебедева

Жил-был в небольшом финском городе Хемпстед рыжий мальчишка со множеством веснушек вокруг курносого носа. Вински — так звали этого мальчишку. И все бы ничего, если бы в один прекрасный день этот самый Вински не зашел в местную аптеку и не купил бы там удивительный, да нет, что там! — волшебный — порошок... Потому что с помощью этого порошка можно было делаться... невидимым. Конечно, нужно было не просто положить щепотку в рот, нет... Нужно было еще наступить правой ногой на большой палец левой ноги и кое-что еще сказать, а именно: «В стену!» И ты сразу становишься — невидимым! Естественно, чтобы снова стать видимым, нужно было сказать: «Из стены!», но наступив при этом левой ногой на большой палец правой ноги...

А уж будучи невидимым, сами понимаете, что можно только навытворять... И плохого, конечно, и хорошего...

И начал Вински пользоваться волшебным порошком... Сперва он проучил одного господина, прозванного Зеленым Воробьем, потом жуликов, которые забрались в чужой дом, чтобы стащить там серебряные ложки, золотые кольца и прочие ценные вещи... Словом, чудеса начались в городе... Гармонь, например, играла... сама. Ну не сама, конечно, это невидимый Вински играл на гармони, но ведь то, что он — невидим, не знал никто в городе...

А чем вся история с волшебным порошком закончилась, ты узнаешь, читая следующие главы...

ГЛАВА 5

Лодыри из Клоповника

Если у маленького мальчика, скажем, твоих лет, или, к примеру, возраста Вински, решившего интересно провести чудесный летний день, случайно не окажется лука, то что он будет делать? Для того, чтобы интересно провести чудесный летний день, разумеется, необходим лук, это ясно, но если его нет, то нужно ли забиваться в угол и хныкать? Это было бы прежде всего неразумно. В мире есть много-много людей, у которых нет луков, и тем не менее они распрекрасно проводят летние дни. Что же в этом случае делает умный человек? Он идет и вырезает себе дудку.

Вински бродил в леске поблизости от города и, наконец, нашел то, что искал: прямой и толстый купырь, их там росло великое множество.

В два счета Вински перерезал ножиком стебель купыря, и вот у него есть чудесная новая дудка, о какой только мечтать можно. И пристрел хорош: Вински сунул в рот можжевеловую ягоду, и она выстрелила именно до того места, до какого надо было, почти на десять метров.

И вот Вински бродил по леску с дудкой под мышкой в поисках добычи. Искать пришлось недолго: в зарослях черники лежало существо, которое вполне могло бы сойти хотя бы за льва, если бы ужасно не походило на Бродягу Роопе. На всякий случай Вински крикнул из-за дерева:

— Ты не лев?

Существо даже не повернуло головы, оно, по-видимому, узнало голос Вински. Оно ответило:

— Спасибо, нет. Я не лев. И буду очень благодарен, если по мне не будут стрелять. Я Роопе.

— Что ты тут делаешь? — спросил Вински, подойдя поближе.

— Веришь или нет, но просто лежу на спине.

— Ах, ты лежишь на спине! А почему ты не колешь дрова для бургомистра?

— У меня есть дела поважнее.

Так-так. Я так и понял. Мог бы ты мне рассказать о своих делах?

— Спасибо, конечно, могу рассказать. Я считаю облака.

— Ну и нарвался же ты на работенку!

— Да нет, ничего страшного. Я не все считаю. Я считаю только те, что проплывают мимо верхушки того дерева. И как досчитаю до пятидесяти, кончу.

— А ты умеешь считать до пятидесяти?

— Не уверен. Но тут и выяснится.

— А что ты потом будешь делать, когда досчитаешь до пятидесяти?

— Вот тогда-то как раз я кое-что и сделаю. Сразу пойду к бургомистру и скажу, что он плесень!

— Здорово! А почему бургомистр плесень?

— Ты, наверное, этого не поймешь, потому что никогда не колол дрова для бургомистра. Он сказал вчера, что если Роопе распилит и расколет все эти дрова, то Роопе получит десять марок. Я распилил и расколол, а он дал мне только пять.

— А почему это он не дал десять марок, как обещал?

— Это я и спросил у него. Он сказал, что в кармане не оказалось больше и что такому дурню хватит и пяти.

— Это подло.

— Спасибо. Я тоже так думаю. И вот, как досчитаю до пятидесяти, то пойду и скажу, что господин бургомистр плесень.

— Счастливо, Роопе.

— Спасибо. Хотя я не совсем уверен, что пойду, ведь может случиться, что я не насчитаю пятидесяти облаков. Тогда накажу бургомистра по-другому — больше не буду колоть ему дрова.

— Это его ужасно разозлит.

Вински для развлечения рассматривал Роопе в дудку. Роопе выглядел совсем как мальчишка, ростом с Вински, и коленки на брюках ободраны так же, как у известного сорта мальчишек.

— А ты тут случайно не встречал львов? — спросил Вински.

Продолжение. Начало см. «Костер» № 12, 1988 г.

— Нет. Во всяком случае, сегодня нет. Пару муравьев — да.

— Муравьи не подойдут. Надо бы что-нибудь покрупнее.

— Аха-а, слушай, если пройдешь в ту сторону метров пятьдесят, то, думается, найдешь, что ищешь.

— Ах, в ту сторону?

— Да.

— Ну, удачи тебе, Роопе!

— Спасибо!

И Вински отправился крадучись туда, куда указал Бродяга Роопе. Ему не пришлось долго красться. Очутившись на краю маленькой полянки, он увидел такое, что дух захватило,— елки-палки, хватило бы и поменьше!

Там у подножия холмика сидели четверо неизвестных. Они сидели на траве вокруг плоского камня и играли в карты. Все до единого были на редкость уродливы. У самого большого и толстого уши были большие, как листья ревеня, а маленькие глаза на красном лице были похожи на две черничинки, упавшие в кисель. Второй был длинный и тощий, как высохший стебель укропа, и почти такой же зеленый. Третий был настолько лохмат, что если в его волосы уронить десятимарковую монету, то наверняка уже не отыщешь. А четвертый был такой маленький, что если бы он постоянно не плевался, то можно было бы подумать, что он только что вылез из мышиной норки. Забавная публика, одним словом.

Разглядывая неизвестных из-за дерева, Вински подумал было, что это морские разбойники, которые нашли спрятанный клад. Но так как ни у одного из них не было черной повязки на глазу и даже деревяшки вместо ноги, то вполне возможно, что они и не были пиратами. Вински решил действовать спокойно, на всякий случай он набрал в карман пригоршню можжевеловых ягод.

Неизвестные сняли пиджаки и продолжали игру в одних рубашках. Казалось, что это занятие им не по нраву, с такой злостью они шлепали карты на камень и выкрикивали:

— Крести, сказала кошка и сдохла на льду!

— Бубен, бубнит цыган!

— Пик упал, но цел!

— Нежный хвост лошади!

Вот такую чепуху они мололи и были очень сердиты. К тому же эти молодцы еще и ругались! Бранные слова, в которых так часто употреблялось слово «дерьмо», что и на свете-то столько не наберется, так и вылетали из их рта. И ни одна птица не решалась петь возле них. Удивительно, как трава не завяла. Но, наверное, недолго осталось ждать молнии, которая испепелила бы их на месте. Никак не пойму, пираты они или нет, подумал Вински, так ругаются, что шишки с деревьев падают. Так не пойдет. Их надо проучить! Мне кажется, что я как раз подхожу для этого. Погодите-ка малость, голубчики!

Вински присел на корточки за деревом и чего-то там завозился. (Мы, конечно же, догадались, чего он там возился: сунул в рот щепотку порошка, что-то пробормотал и — за деревом никого не было.) Невидимый Вински вышел из-за дерева.

Неизвестные как раз кончили партию и прекратили сумасшедшие выкрики. Они снова раздали карты; у каждого должно было быть по пять карт. Вдруг вскочил самый большой, тот, у которого уши, как листья ревеня, и завопил:

— Где моя пятая карта?

— Тебе лучше знать, сам раздавал,— ответили ему.

— У меня было пять карт, а теперь только четыре!

— Наверное, съел, хя-хя-хя! — поддразнивали остальные.

— Не смейтесь, мне показалось, что кто-то выхватил ее у меня из рук!

— Этот круглорожий, кажется, сходит с ума!

— Я круглорожий?! Кто сказал «круглорожий»?! Я вам сейчас покажу круглорожего, жуки навозные!

И самый большой набросился на остальных, началась свалка. Они били друг друга кулаками, драли за волосы, лягались, плевались, кусались и орали. Стоял такой гвалт, что земля дрожала, и сухой мох клубился вокруг них.

А наш невидимый Вински сидел скрестив ноги на корне ели и посмеивался. Ему было очень весело, потому что он сидел как раз на этой самой пятой карте, которую он так ловко выхватил у большого.

Неизвестные здорово отделали друг друга и тяжело отдувались. И тут Вински рявкнул самым ужасным голосом:

— Стоп, хватит!

Неизвестные тотчас прекратили драку. Разинув рты, они уставились друг на друга.

— Кто это? — спросил один из них.

— Я! — ответил Вински.

— К-кто ты?

— Неважно! Достаточно, если будете слушаться меня. Садитесь на землю!

Неизвестные исподлобья посмотрели друг на друга и не знали, что делать.

— Быстро на землю! — взревел Вински.

Трое стали медленно опускаться, а тот, плюгавенький, шлепнулся на задницу уже после первого окрика Вински.

— А теперь скрестите руки на груди и слушайте!

— Ах, еще и руки скрестить?! Я отказываюсь! — грозно закричал зеленый и тощий и сжал кулаки.

Вински сунул в рот твердую можжевеловую ягоду и выстрелил. Фью-ю, ягода попала прямо под нос, в самое уязвимое место.

— Ах, черт! — вскрикнул длинный и тощий и хлопнул себя по носу.— Меня кто-то кусил!

— Скрестишь руки или еще хочешь? — спросил голос.

— Да-да! Скрещу и пальцы на ногах, только не кусайся! — завопил длинный и скрестил на груди руки.

Неизвестные решили, что какое-то всесильное существо поймало их, и они очень перетрусили, жулики эдакие.

— Сейчас будет допрос! — провозгласил Вински.— Кто вы такие?

Неизвестные опять посмотрели друг на друга, не зная, кто начнет отвечать. К тому же, они были настолько глупы, что считали неудобным отвечать пустому лесу, так как никого не видели вокруг.

— Отвечай ты, у которого уши, как листья ревеня! — скомандовал голос.

Большой густо покраснел, потрогал свои уши и, заикаясь, сказал:

— Мы... нас зовут Лодырями из Клоповника.

— Здорово! Вот это имя! А почему вас называют Лодырями из Клоповника?

— Потому что мы живем в Клоповнике.

— Где находится этот Клоповник?

— Это один дом в городе. В нем живет очень много людей и очень много клопов, клопов больше.

— И чем же ты живешь?

— Картошка со свиной подливкой,— ответил большой.

— Это по тебе заметно, но я имею в виду, где ты работаешь?

— Я играю в карты.

— Но ведь этим никто не может прожить! Ты что-нибудь умеешь делать?

— Ничего не умею.

— Не верится, громила!

— Правда, чистая правда!

— И никогда не пробовал?

— Давно когда-то я каменотесом был.

— Почему теперь не рубишь камень?

— Это очень тяжело, вспотеешь. А в карты играть — не потеешь.

— Ну и болван! Могу представить, как голодает твоя семья.

— Не очень голодает. Моя старуха днем готовит еду, убирает за детьми, а вечерами нанимается стирать белье, чтобы заработать денег. Нелегка жизнь бедняка!

Длинный и тощий, как стебель укропа, рассказал, что он портной, а лохматый оказался сапожником, и оба признались, как и каменотес, что им приятнее играть в карты на солнечной полянке, чем шить штаны или латать башмаки. Их жены тоже нанимались стирать, чтобы прокормить детей и своих мужей-бездельников.

— А ты, маленький-серенький, ты что за фрукт? — спросил Вински у четвертого.

— Я писатель.

— А что это такое?

— Это такой человек, который немного лучше, чем другие люди, и пишет книги, много книг!

— Почему же ты их не пишешь?

— Я решил сразу же начать писать, как выучу буквы.

— А как же ты тогда живешь, ты и твоя семья?

— Да хорошо живем. Моя старуха стирает белье этих трех моих приятелей и получает за это от них еду.

— Вот уж точно лодыри! — сказал Вински и задумался на минуту.

Затем он сурово спросил:

— Признавайтесь, Лодыри из Клоповника, совесть у вас чистая?

— Чи-истая! — ответили они хором и так искренне, что чуть не стошнило.

Последовало недолгое молчание, и голос торжественно провозгласил:

— Но теперь ваша жизнь круто изменится!

— Что? Как ты сказал?

— У вас у каждого изменится жизнь!

— Изменится? Да ты что? — забеспокоились Лодыри.

— Изменится! Вы будете меня слушаться или нет?

Никто не проронил ни слова, но, наконец, лохматый начал:

— Для меня все это очень странно, то есть было бы неплохо знать, кто ты...

Он не успел закончить, как Вински выстрелил твердой можжевеловой ягодой ему прямо в ухо.

— Ай-ай-ай! — запищал лохматый.— Я ничего не хочу знать, совсем ничего, наоборот!

И все хором заорали, выпучив глаза от страха:

— Мы будем слушаться! Честное слово, будем слушаться!

— Хорошо. Тогда слушайте внимательно, что я скажу. Если не выполните все в точности, то берегитесь! Я устрою такую взбучку вашим штанишкам, что долго помнить будете!

И Вински дважды объяснил, что им требовалось делать, и Лодыри гуськом отправились в сторону города. Последним шел Вински с палкой в руках, как пастух.

Такого бедные женщины из Клоповника еще никогда не видели. Каменотес пришел домой и сказал жене:

— Старушка моя, хозяюшка, ты, наверное, устала. Приляг, отдохни немного, я постираю белье.

Оставив потрясенную жену, он взял в углу корзину с бельем, взвалил ее на плечо и вышел.

Портной пришел домой и сказал:

— Старушка моя, хозяюшка, ты, наверное, устала! Отдохни немного, я постираю белье!

Он тоже взвалил корзину на плечо и исчез.

То же самое проделал и сапожник. Так, как приказал Вински.

Писатель пришел домой и сказал жене:

— Старушка моя, хозяюшка, я страшно устал! Я немного отдохну...

И тут он почувствовал крепкий удар по тому месту, где обычно свисают брюки, и память мгновенно к нему вернулась.

— Ах, да! Так. Что же сказать-то надо было? Да, ложись, старушка, отдохни, я схожу постираю белье.

И он вышел, волоча корзину с бельем.

Вот это было шествие! Большой краснорожий каменотес маршировал впереди, за ним шел длинный и тощий, третьим шагал лохматый и в хвосте самый маленький, похожий на мышь, он временами озабоченно оглядывался. Все несли на плечах корзины с бельем.

— Смотрите, смотрите! — кричали люди.— Идите смотреть! Конец света наступает — Лодыри из Клоповника идут стирать!

Лодыри подошли к ручью — и стирка началась. Они мылили, терли, полоскали, выжимали и опять мылили, терли, полоскали, выжимали. Они работали старательно, как настоящие прачки. Вински спокойно сидел на камне и посматривал на них. И если кто начинал лениться, тотчас получал крепкий пинок.

— Это ужаснее, чем дробить камни! — сказал каменотес, потирая онемевшую поясницу.

— Тысячу пальто можно сшить, и то кожу на пальцах так не обдерешь! — проговорил длинный и тощий.

— Колени так болят, что сил нет! — сказал сапожник.

— А книги писать наверняка полегче,— вздохнул самый маленький и отер пот со лба.

Когда белье было выстирано, наступил вечер, солнце садилось. Мужчины были вконец измотаны и не в силах были вымолвить ни слова. Наконец длинный и тощий проговорил плаксиво:

— Послушайте, не сердитесь, но я ничего не могу поделать... Я решил стать порядочным человеком...

— Да ты что! — ужаснулся большой.

— Да, с завтрашнего дня. Стань и ты, каменотес.

— Но это же может перейти в привычку!

— И я боюсь этого, но делать нечего, стань, будь другом!

— Ну, можно попробовать конечно, скажем, на неделю.

Лохматый и плюгавенький не в силах были произнести ни слова и только кивнули в знак согласия.

Через некоторое время Лодыри крикнули:

— Эй ты, с дубинкой! Можно нам идти домой?

Но никто не ответил. Они прокричали еще три раза, прося разрешения идти домой, и, не получив ответа, встали, взяли свои корзины с бельем и согнувшись поплелись к Клоповнику.

А там, как каждую порядочную прачку, дожидался их полный кофейник, теплый хлеб и масло. И как вкусно было — это каждый знает, кто хоть раз стирал белье.

Женская половина Клоповника была такой счастливой, что не знала, за что взяться. И еще пуще жены обрадовались, когда услышали от мужей, собиравшихся спать:

— Хозяюшка, разбуди меня утром пораньше,— сказал каменотес.— Пойду опять тесать камень.

Портной сказал:

— Найди-ка мне, моя старушка, к утру иглу и ножницы. Завтра опять примусь шить пальто.

Сапожник сказал:

— Надеюсь, печь не колодками топила? С завтрашнего дня буду шить башмаки. Да, пока помню, купи-ка мне гребень.

Писатель сказал:

— Золотко, голубушка моя, я решил круто изменить свою жизнь. Завтра не иду играть в карты.

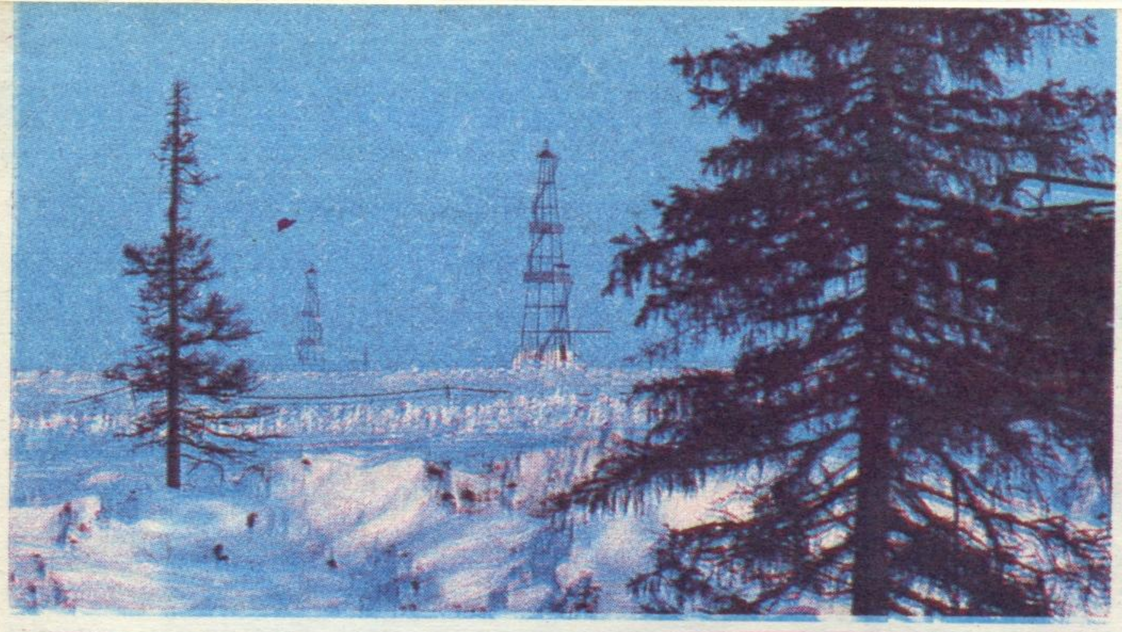
Так пришел в Клоповник прелестный вечер. Выглянув из окна во двор, каменотес спросил у жены:

— Кто этот рыжий мальчишка, вон там? Тот, который играет с нашими ребятами?

— Это какой-то Вински с другого конца города. Он придумал новую игру с дудкой для наших ребят.

— Ну и ловок же, коль придумывает такие игры,— сказал каменотес и задернул занавеску.

Окончание следует



КАК Я ПРОВЕЛА КАНИКУЛЫ

Я живу в поселке Ярге Коми АССР. Это поселок нефтяников, и находится он неподалеку от Ухты. Нефть на Ярге особая. Ее называют тяжелой. Обычным способом добывать ее нельзя, поэтому добывают ее в шахтах. Раньше здесь работал мой папа, а теперь он трудится на Харьяге, в пятистах километрах от дома. Каждый месяц он улетает на Харьягу, где живет и работает по пятнадцать дней. В зимние каникулы он пригласил на Харьягу и меня. От Ухты до Усинска мы с мамой летели самолетом «Як-40». Папа встретил нас в усинском аэропорту. Дальше мы ехали вахтовым автомобилем-вездеходом «Уралом». Это мощный автофургон оранжевого цвета. Мы проезжали мимо головных сооружений, буровых вышек, факелов, горящих круглосуточно. Здешняя тайга отличалась от нашей. Елочки низкорослые, хилые. Березки приземистые с узловатыми кручеными и гнутыми ветками. Через час-полтора водитель остановил машину. «Читайте!» — сказал он. Я увидела щит, на котором было написано: «Северный Полярный круг». Потом как-то вдруг тайга оборвалась. «Большеземельская тундра! — сказал водитель.— Скоро будем дома... Из Коми АССР мы переехали в Ненецкий национальный округ». Я посмотрела на часы. Была половина второго. В синих сумерках виднелось вдали множество огней. Это было очень красивое зрелище.

Поселок, где жил папа,— два ряда металлических балков, окрашенных в оранжевый цвет. В одном ряду было шесть балков, в другом семь. Еще был магазин, столовая и деревянный рубленый дом. Я подумала: как тут папа живет? Ведь в этих балках, наверно, холодно. Но когда мы вошли туда, я увидела, что там было очень тепло и уютно. С дороги я устала и скоро уснула. А утром меня разбудил мощный рокот. Я выглянула в окно. Почти над самым поселком тарахтел вертолет. Под ним на тросе раскачивалась большая вязанка досок. Я пошла осматривать поселок. В нескольких шагах от папиного жилища рабочие устанавливали елку. Потом у этой елки, украшенной разноцветными лампочками, мы встречали Новый, 1988 год!

Галя Кивиогло,
6-б класс,
Ухтинская средняя школа № 15

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Премии журнала «Костер», установленные ЦК ВЛКСМ за лучшие произведения, напечатанные в журнале в 1988 году,

ПРИСУЖДЕНЫ

писателю **Борису Алмазову** за повесть «Боберман-стюдебеккер», опубликованную в №№ 7—8;

художнику **Льву Московскому** за оформление «Морской газеты» и «За семью печатями» в 1988 году;

журналисту **Геннадию Лисову** за очерк «Восемь неизвестных из «коллектива икс», опубликованный в № 5.

Алмазов Борис Александрович родился в 1944 году, первые его книги написаны о конях: «Самый красивый конь», «Прощайте и здравствуйте, кони». Наиболее популярные его книги: «Я иду искать», «Белый шиповник», «Презент», «Синева», «Наш хлеб». Борис Александрович вот уже двадцать лет преподает в школе историю изобразительного мастерства. Он не расстается с гитарой, скоро выйдет первая пластинка с его песнями.

Московский Лев Михайлович родился в Ленинграде в 1930 году. Закончил Таллинский Государственный художественный институт. В журнале «Костер» работает с 1958 года.

Лисов Геннадий Петрович родился в 1931 году, по образованию инженер, член Союза журналистов СССР. Автор книг по проблемам науки. В «Костре» выступил впервые.

Так решено назвать Всесоюзную экспедицию редакции журнала «Костер» и ЦК ВЛКСМ при участии Географического общества СССР и ученых Института озероведения Академии наук СССР

Испокон веку человек селился у воды — на берегах рек и озер. Вода была для него источником жизни, удобным транспортным путем. Река или озеро кормили человека.

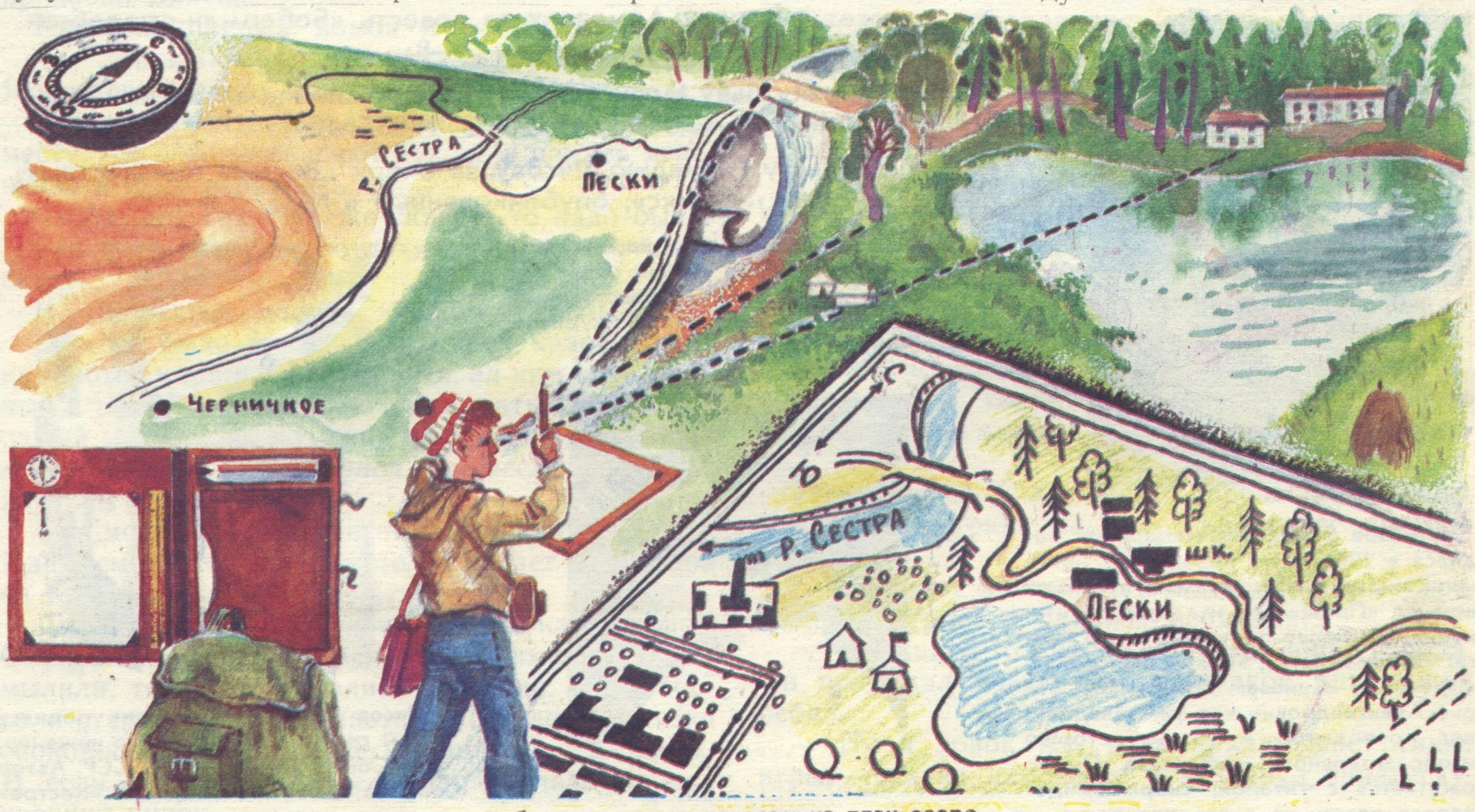
В нашей стране столько озер, сколько нет ни в одной другой стране мира. Это и желто-бурая Ладога, с берегами, изрезанными скальными фиордами на северо-западе, и с пологими берегами на востоке. Это прозрачная чаша Байкала, в которой хранится четыре пятых всей пресной воды планеты. Да разве перечислишь все озера! Ведь их, по неточным еще подсчетам специалистов — больше двух миллионов семисот тысяч! И у каждого свой облик, свой характер, своя биография, свое будущее. О каждом можно рассказать историю интересную и поучительную.

Но, как ни велико количество озер, несмотря на то, что бóльшая часть планеты покрыта водой, надо очень бережно относиться к воде, особенно к пресной, которой на нашей планете не так и много. Вот поэтому нам так необходимо знать, сколько у нас в стране озер и в каком они состоянии, чтобы иметь представление о том резерве пресной воды, который у нас есть.

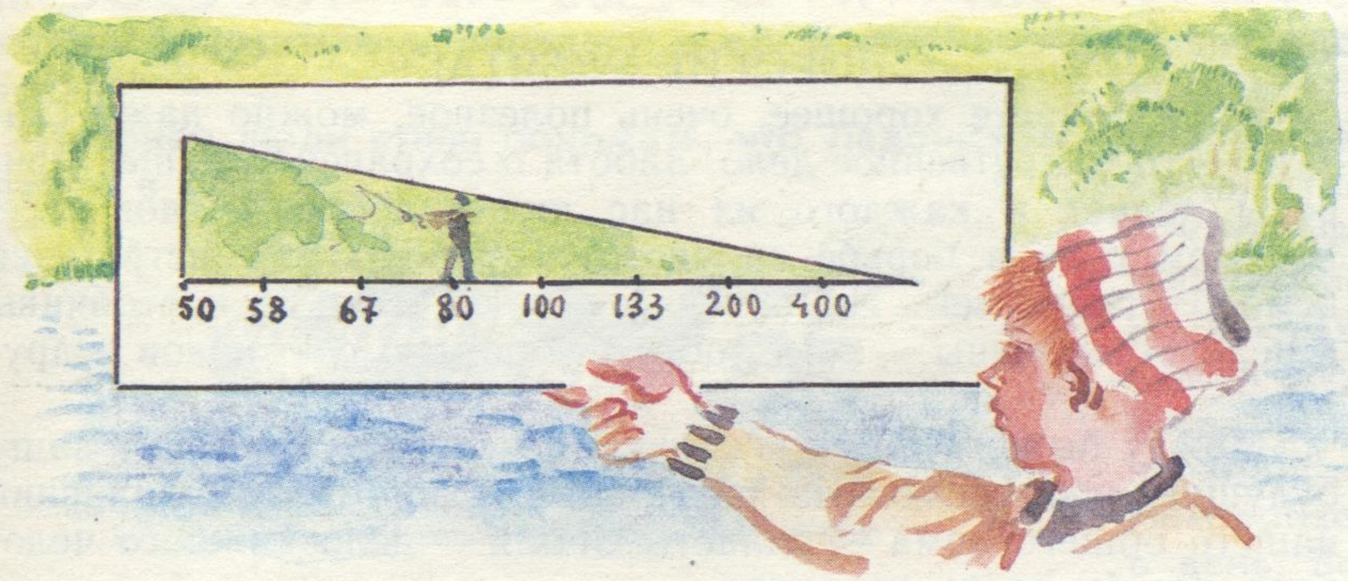
Еще надо помнить о единстве гидросферы нашей планеты. Ведь загрязнение такого локального объекта, как озеро, может вызвать последствия за тысячи километров от него. Так, например, загрязняя Ладожское озеро, мы тем самым загрязняем и все Балтийское море, поскольку вся вода из Ладоги по Неве идет в Балтику.

С помощью ребят рассказать о наших озерах и предлагает редакция журнала «Костер». Здесь найдется дело всем — юным географам или геологам, которые опишут, как образовалось озеро миллионы лет назад, как жило все это время, как изменялось. Юным следопытам и краеведам — они могут выяснить, когда на берегах озера впервые поселились люди, какие выбирали места для своих деревень, городов и сел, как использовали дары озера, какие вели промыслы. И юным биологам — они могут узнать, какие породы рыб и всевозможной живности водятся в озере и на его берегах, каков состав воды... Да-да! Понять — чистая ли в озере вода, очень легко. Достаточно знать — водятся ли в нем раки. Оказывается, что обыкновенный рак — прекрасный индикатор чистой воды. Так что вопрос: «Где раки зимуют» для биологов нешуточный — узнав это, ученые определяют степень экологической чистоты целых водных бассейнов и больших территорий суши — ведь каждое озеро питают ручейки, речки. Вот сколько важного и интересного можно узнать всего за один поход на ближайшее озеро!

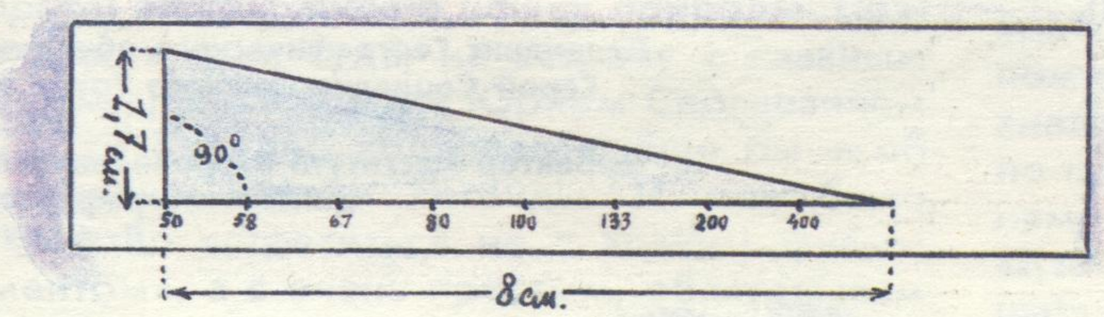
Но, конечно же, готовиться к такому походу необходимо вдумчиво и тщательно.



Выбрав ориентир, нанесем на план озеро



Простейший дальномер. Он вырезается из картона, как показано на рисунке. Его надо держать перед глазами на вытянутой руке. Расстояние до человека 80 метров.



Вначале нужно создать отряд. В поселке или деревне, в школе или пионерском лагере. **В любом случае, для руководства вашим походом нужен старший.** Это может быть опытный турист, преподаватель географии или биологии.

А теперь наше задание:

— Возьми областную или туристскую карту области, либо сделай на их основе туристскую схему похода. «Привяжи» свое озеро к имеющемуся на карте географическому объекту (только в том случае, если исследуемое озеро на такую карту не нанесено) — горе, реке, поселку, городу, железной или шоссейной дороге. Понять, как это сделать, тебе поможет наш рисунок.

— Постарайся определить длину, ширину озера, вычислить его площадь. Если исследуемое вами озеро есть на всесоюзной, областной или республиканской карте — эти данные ты можешь найти в справочниках.

— На карте напиши название области, района, близлежащего населенного пункта, название озера.

— Осмотри берега, определи: распаханы они или заросли лесом, заболочены или скалисты. Данные нанеси на карту.

— Определи цвет воды: голубой, желтый, зеленый, коричневый — это говорит о содержании в воде органического вещества.

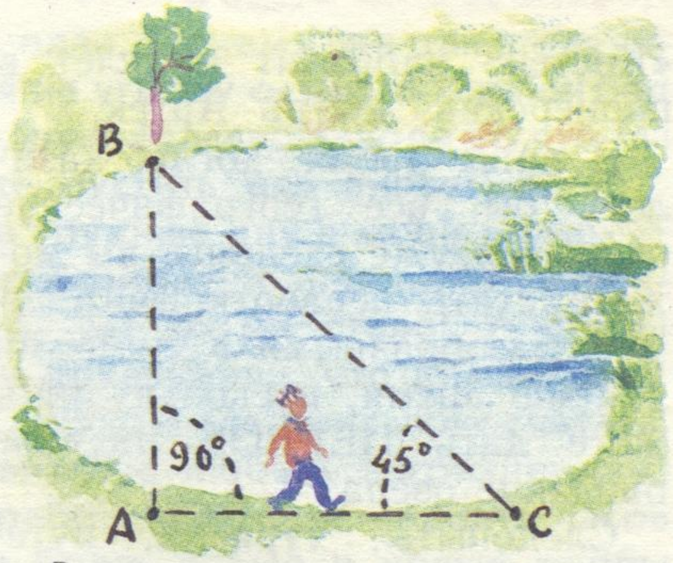
— Определи примерно, какая часть воды в озере заросла водными растениями — тростником, камышом, кувшинкой, ряской.

— Хотя бы приблизительно постарайся определить водный баланс озера, то есть узнай его притоки и определи, имеет ли озеро какой-нибудь сток, или питается только за счет дождевой воды.

— Определи, какое дно озера — песчаное, глинистое, илистое, есть ли галька и валуны.

Расспроси старожилов, узнай историю озера, попробуй объяснить его название, узнай, как изменялось озеро — его площадь, какая водилась рыба, какие породы живут в озере сейчас.

— Постарайся узнать, водятся ли в озере раки.



Расстояние до дерева мешает измерить вода. Строим с помощью компаса прямоугольный треугольник ABC: угол ACB=45, тогда AB=AC, а расстояние AC легко определяется шагами.

На карте поставь число, распишись. Дай расписаться всем участникам похода. Это уже документ. Озеро, быть может, впервые описанное тобой, ляжет в кадастр — «перепись» всех озер нашей страны. Он поможет определить ученым, каким озерам и рекам нужна срочная помощь. Не забудь указать, кто и каким образом загрязняет озеро — предприятия или фермы, стоки с полей или от других видов деятельности человека.

Опишите ваш поход. Хорошо, если сумеете сделать фотоснимки озера, его берегов, наиболее интересных мест, видов рыбы, ракообразных, обитающих в озере.

Ваш отчет внимательно прочтут специалисты Географического общества СССР, Института озероведения, журналисты.

Отряды, приславшие наиболее интересные отчеты, лучше других подготовленные в туристском деле, примут участие в экспедиции журнала «Костер» по Ладожскому озеру летом.

Те пионерские отряды, которые хорошо проявят себя в борьбе за чистоту наших озер и рек, Центральный Комитет ВЛКСМ, редакция журнала

План туристского похода в окрестностях реки Бруснички

«Костер» направит на слет в пионерский лагерь Артек.

В наше время, когда, казалось бы, все географические открытия уже сделаны, вы можете стать первооткрывателями, своеобразными Колумбами в наше время, поскольку сможете дать ПЕРВОЕ научное описание озера.

Следопыты, туристы, путешественники и первооткрыватели — ждем ваших открытий.

Штаб Всесоюзной экспедиции ЦК ВЛКСМ, журнала «Костер» «ЖИВАЯ ВОДА»
(Не забудьте именно так подписать ваши конверты с отчетами, присланными в редакцию!)

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

Вы начинаете хорошее, очень полезное, можно даже сказать — государственное дело. Забота о сохранении нашей природы делает и каждого из нас чище, добрее, человечнее. На этом пути в борьбе за чистоту природы вам встретится немало трудностей. Не опускайте руки! Будьте настойчивы и целеустремленны — тогда обретете немало союзников и друзей.

Может быть, участие в нашей экспедиции определит вашу будущую профессию. Но помните, что забота о сохранении нашего общего дома — планеты Земля — дело каждого человека, где бы он ни трудился.

Экспедиция названа «Живая вода». Это нам кажется глубоко символичным. Вода — основа всего живого на планете. Это — кровь земли. От ее чистоты зависит и наша с вами жизнь.

Президент Географического общества СССР, Герой Социалистического Труда академик В. Н. ТРЕШНИКОВ, директор Института озероведения АН СССР доктор географических наук В. А. РУМЯНЦЕВ

Где у озера начало?

В гидрологии, одной из наук о воде, есть такое понятие — водосборный бассейн. Речь идет о территории, где текут реки, ручьи, грунтовые и подземные воды, которые в итоге попадают в какой-то водоем. Так, водосборный бассейн Ладожского озера лишь немногим уступает по площади территории Италии! Реками, несущими свою воду Ладоге, можно опоясать экватор. Даже с хвостиком. В этой уникальной водной системе насчитывается почти пятьдесят тысяч больших и малых озер — настоящая бриллиантовая россыпь.

Чем всегда славилась ладожская вода? Своей мягкостью и чистотой! Не зря ею стремились запастись капитаны судов, отправляясь в дальние страны. Она оставалась свежей даже при кругосветном путешествии! И чистота эта регулировалась самой природой. Леса удерживали влагу и не позволяли воде смывать почву. Быстрые карельские реки попадали на своем пути в озера. Там талая весенняя вода отстаивалась, и реки несли уже Ладоге кристально чистую воду. Веками работал этот удивительный природный механизм.

И вот пришел век двадцатый. Задымили многочисленные трубы заводов и фабрик, которые жадно пили чистую ладожскую воду, отдавая ей взамен грязные стоки. Все больше вырубалось лесов, распахивалось полей. Вместо навоза все чаще стали применять минеральные удобрения, добывая их из земных недр, борясь с сорняками, поливать поля ядохимикатами. Делая нужное дело, люди не замечали, что в озере стали происходить перемены. Все меньше стало ловиться лосося. Все чаще стала как бы «зацветать» ладожская вода. Первым на беду отреагировал планктон. В этих крохотных рачках концентрация вредных веществ превышала норму в сотни и даже тысячи раз! А ведь планктон — это своеобразный чистильщик воды, санитар водоемов. Пропуская через себя воду, он извлекает питательные соли, а заодно — и загрязняющие вещества. Вот и накапливаются они в нем. Планктоном питаются рыбы. В них эти вредные вещества тоже накаплива-

ются и, в итоге, они попадают в организм человека.

Наконец люди стали понимать, что Ладожское озеро в беде.

Приозерск — небольшой городок Ленинградской области — стал знаменит на всю страну. Больше того — для многих людей он стал символом борьбы за сохранение нашей природы. Поэтому, когда я ехал туда, на встречу с главным санитарным врачом города Юрием Сергеевичем Заниным, то изрядно волновался. Еще бы — об этом человеке ходили легенды. И мне было очень приятно встретиться не с эдаким живым «монументом», а с очень простым, обаятельным человеком с озорными мальчишескими глазами. «Ну что, помните, мы говорили, что о нас не писала еще только пионерская пресса? Вот, пожаловали»,— весело сказал Занин женщине в белом халате, проходя вместе со мной в кабинет. Там он разложил на столе карты, диаграммы, таблицы. И посерьезнел. Так начался наш, прямо скажем, невеселый разговор о судьбах Ладоги.

В роковой судьбе этого озера во многом, как это ни странно, сыграла свою роль его чистота. Для производства целлюлозы чем вода чище, тем выше качество продукции. Вот и росли комбинаты как грибы по берегам этого самого большого и самого чистого озера Европы. Пили комбинаты воду чистую, а сбрасывали обратно в озеро — уже грязную. Сводили по его берегам леса — опять же для бумажного производства, облегчая смыв почвы в воду.

Приозерский целлюлозный завод давал стране почти 15% всей целлюлозы! Однако очистные сооружения руководство завода строить не торопилось. Считали, что озеро большое — его объем почти 900 кубических километров,— и все выдержит. Вредные вещества, которые получаются при производстве целлюлозы, перемешиваются с чистыми водами и их действие будет незаметным. Какое-то время это было так. Но вот однажды Приозерск, город, стоящий на берегу озера, оказался в положении сапожника без сапог. В водопроводной воде были обнаружены вредные вещества, и в город стали издалека привозить питьевую воду. Но это еще не все. Шлейф загрязнения от целлюлозного завода подкрадывался уже к истокам Невы, грозя Ленинграду своим ядовитым драконьим хвостом. Осенью 1986 года завод остановили санитарные врачи во главе с доктором Заниным. Вот тогда-то началась настоящая борьба.

Маленькая санитарная станция оказалась один на один с огромным заводом, за которым еще стояло целое Министерство целлюлозно-бумажной промышленности. На стороне одних была забота о здоровье людей — на стороне других производственный план. Почему же так получилось, что, несмотря на угрозу оставить Ленинград без питьевой воды, руководство завода во что бы то ни стало хотело пустить его вновь?

«Это были самые трудные дни в моей жизни,— рассказывал доктор Занин.— Я знал одно — нужно выстоять во что бы то ни стало! Анализы нашей лаборатории показывали, что дело плохо, а нам не верили. Слишком все привыкли считать, что природа справится с любым загрязнением. Нам приходилось работать по шестнадцать часов в день. Все время брать новые и новые пробы воды. Убеждать, доказывать, что нужно переоборудовать для выпуска другой продукции, безопасной для озера. По нескольку раз в день связывался с Москвой, с Главным санитарным врачом Советского Союза. Мне особенно запомнился голос одной телефонистки. Она уже знала, что если звонят из Приозерска, то, значит, по поводу закрытия завода. «Продержитесь еще немного — мы вас обязательно поддержим!» «Кто это мы?» — спросил я ее. «Мы, ленинградцы!» До сих пор я помню ее голос, и как он мне помог тогда выстоять. И ведь действительно, ленинградцы нас поддержали».

Много пришлось пережить доктору Занину и сотрудникам санэпидстанции, чтобы доказать свою правоту. Дело-то небывалое по прежним временам — закрыть завод по требованию какого-то там врача! К приезду одной из комиссий Юрию Сергеевичу пришлось брать пробы воды в сильный шторм. Вместе с ним в катере был его семнадцатилетний сын Алеша. Рисковать жизнью чужого человека Занин счел себя не вправе.

Когда пришло решение правительства о перепрофилировании Приозерского завода на экологически чистую продукцию, санитарные врачи облегченно вздохнули, но не успокоились. Таких заводов еще на Ладоге пять. Не станешь ведь все закрывать.

Целлюлозная промышленность — не единственная беда Ладоги. Большой урон приносит озеру непродуманное ведение сельского хозяйства. Ведь как было раньше. Скот кормили тем, что родила земля. А землю удобряли навозом. Таким образом земле возвращались те питательные вещества, которые из нее забирали растения. Эта цепочка хлеб-поле создавала то природное равновесие, за счет которого существовало сельское хозяйство. Вы спросите, а при чем тут Ладога, какая здесь связь? А самая прямая!

Теперь в сельском хозяйстве в основном используют минеральные удобрения. И вносятся они часто весной прямо на талый снег. Таким образом немалое количество этих удобрений

попадает с вешними водами в озеро. Но это еще не все. Построив животноводческие комплексы-гиганты, человек не подумал, куда девать навоз. В результате это ценнейшее удобрение попадает в воду.

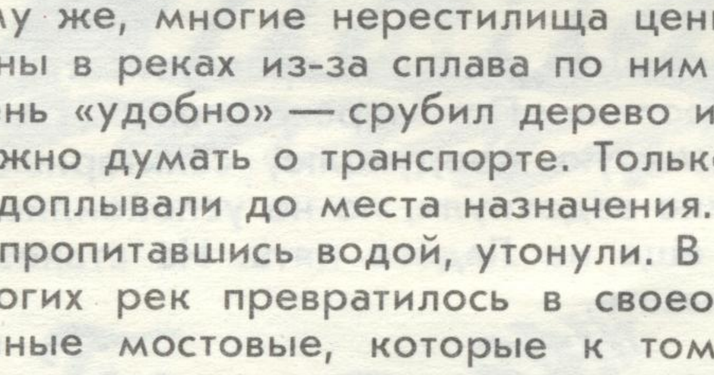
Но то, что хорошо для почвы,— плохо для воды. В удобрениях содержится фосфор — любимая еда сине-зеленых водорослей, которые обитают в воде. Эти микроскопические одноклеточные водоросли — одни из первых организмов, которые появились на нашей планете. Вы все наверняка не раз их видели, особенно жарким летом. Когда этих не видимых простым глазом водорослей становится слишком много, вода начинает как бы «цвести». Размножаются эти водоросли очень быстро и живут недолго. Для их развития необходимы свет, тепло и фосфор. Когда фосфора в воде много, сине-зеленые «пираты» начинают бурно размножаться. Вода, где их скопилось слишком много, начинает напоминать густой кисель.

Да, забыл сказать самое главное! Развиваясь, сине-зеленые крошки поглощают огромное количество кислорода, а отмирая, падают на дно, где разлагаются, выделяя сероводород. А этот газ, в отличие от кислорода, губителен для всего живого. Бурно развивающиеся сине-зеленые водоросли способны задушить озеро в считанные годы. От нехватки кислорода начинают гибнуть рыбы. И в первую очередь благородные, любители чистой и прозрачной воды — лососевые и форелевые. Потом начинают страдать от удушья рыбы попроще — лещ, судак, плотва. Но скоро не выдерживают и они.

К тому же, многие нерестилища ценных рыб загублены в реках из-за сплава по ним бревен. Это очень «удобно» — срубил дерево и в воду. И не нужно думать о транспорте. Только не все стволы доплывали до места назначения. Многие из них, пропитавшись водой, утонули. В итоге — дно многих рек превратилось в своеобразные деревянные мостовые, которые к тому же и гниют, дополнительно отравляя воду.

А считал кто-нибудь, сколько идет по Ладоге судов, следуя из Белого моря в Балтийское? Тысячи в год! Их отходы, как правило, тоже принимает красавица Ладога.

Вот в результате всех этих причин озеро серьезно заболело. Оно загрязнено сейчас более чем в сто раз сильнее, чем знаменитый Байкал. Как же теперь нам спасти Ладогу? Как вернуть ее водам студеную чистоту?



Вопрос спасения Ладожского озера сложный. Он требует совместных усилий ученых, производственников, тех, кто занимается сельским хозяйством. Сейчас создана специальная программа работ «Ладога», в которой принимают участие 74 организации. Разработаны специальные природоохранные зоны. В некоторых из них вообще запрещено заниматься какой-либо хозяйственной деятельностью. В других зонах эта деятельность ограничена. Планируется строительство очистных сооружений на тех предприятиях, которые их не имеют. И конечно же, мало одних усилий ученых и постановлений правительства.

Президент Географического общества СССР и директор Института озероведения академик Трешников обратился к молодежи с призывом: «Помогите спасти Ладогу!» Он предлагал взять молодежи под свое шефство малые реки ладожского бассейна. Если помните, этими реками можно опоясать экватор. К тому же, на эти реки меньше всего обращают внимание взрослые и очень трудно наладить на них охрану. А ведь немало загрязняющих веществ попадает в Ладогу именно через малые реки.

«Костер» обращается к тем, кто живет в Приладожье. А что если ваша школа возьмет шефство над речкой, ручьем, озером, которые есть поблизости. Каждое дерево, посаженное на берегу, ощутимо уменьшает смыв почвы в воду. А значит, меньше фосфора попадает в Ладожское озеро, меньше будет пищи сине-зеленым «пиратам». Отправляясь в туристические походы, вы могли бы наблюдать за состоянием лесозащитных полос, которые должны быть по берегам всех рек и озер. Смотреть, где они повреждены, а где и вовсе отсутствуют. Собранные материалы можно передать в Общество охраны природы и прислать к нам в журнал. Любители байдарочных походов могли бы даже отбирать пробы воды в тех местах, где проходит их маршрут. Это особенно важно, если рядом находятся какие-либо предприятия или склады химикатов. На бутылке с пробкой только нужно указать дату и как можно более точно — место. Эти пробы с благодарностью примут в Государственном комитете по охране природы, службы которого есть в каждом районе нашей страны.

Наш журнал будет регулярно рассказывать о состоянии Ладоги и о вашей, ребята, помощи ей.

«Костер» обращается ко всем своим читателям — давайте вместе бороться за чистоту малых и больших рек, прудов и озер, на берегах которых вы живете. Давайте вместе подумаем, что уже сейчас, не откладывая в долгий ящик, можно сделать, чтобы вода в них была прозрачной, чтобы на зорьке гулко плескала рыба, чтобы по дну ползали проворные раки, чтобы по берегам зеленели заливные луга и тенистые деревья.

Не бойтесь проявлять инициативу, обращайтесь ко взрослым, бейте тревогу, если видите, как отравляется река или озеро, если на их берегу создается свалка. Авторы нашей новой рубрики «Живая вода» оперативно поддержат вас.

Сергей ЦВЕТКОВ

Рисунки Л. Московского

Если я гореть не буду,
Если ты гореть не будешь,
Если он гореть не будет,
Кто же здесь рассеет тьму!

Назым Хикмет

СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ

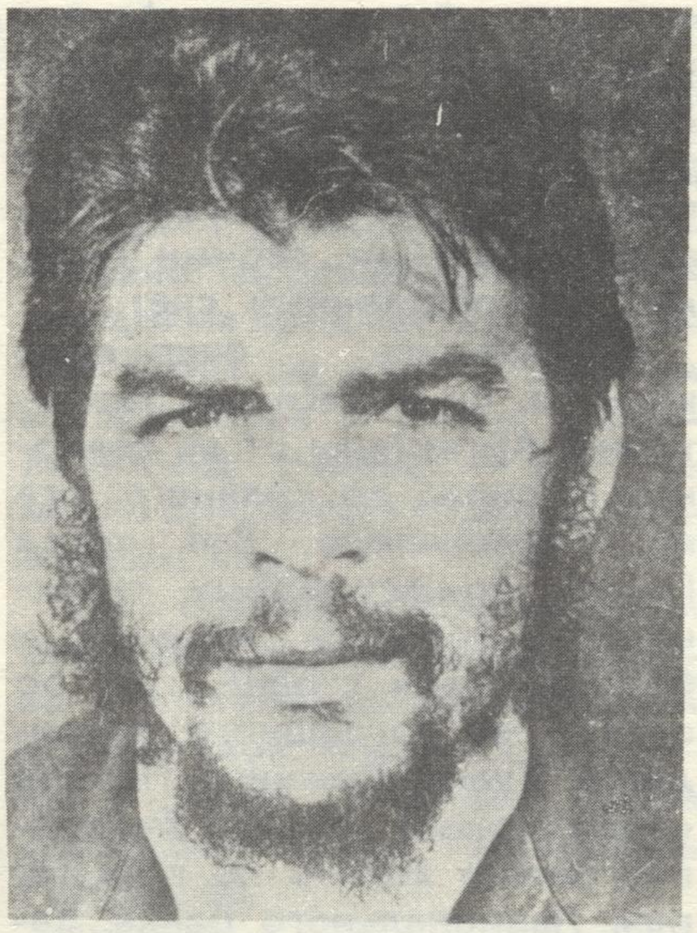
Эрнесто Гевара де ла Серена родился в 1928 году в Аргентине. Окончив университет, получил диплом врача. В юности много путешествовал по странам Латинской Америки.

В 1954 году принял участие в революции в Гватемале, которая закончилась поражением. Вынужден был уехать в Мексику, где в 1955 году встретился с Фиделем Кастро.

«Я беседовал с Фиделем всю ночь. К утру я уже был зачислен в отряд будущей экспедиции...»

В 1956 году в составе экспедиции «Гранмы» высадился на Кубе и принял самое активное участие в борьбе с диктаторским режимом Батисты.

Большие организаторские способности и личное мужество Че — так называли Гевару друзья и единомышленники —



сделали его одним из руководителей повстанческого движения. Ему было присвоено высшее воинское звание — команданте (майор) и он был назначен командиром партизанской колонны.

2 января 1959 года колонна Че Гевары победоносно вступила в Гавану.

После победы революции Че Гевара занимает на Кубе ответственные государственные должности: в 1959—1961 гг.— президент Национального банка и в 1961—1965 гг.— министр промышленности..

В 1965 году, решив отправиться на помощь боливийским партизанам, он пишет прощальное письмо Фиделю Кастро:

«Я чувствую, что я частично выполнил долг, который связывал меня с кубинской революцией на ее территории, и я прощаюсь с тобой, с товарищами, с твоим народом, который уже стал моим.

Я официально отказываюсь от своего поста в руководстве партии, от своего поста министра, от звания команданте...

Сейчас требуется моя скромная помощь в других странах земного шара...»

В ту же ночь он написал письмо и своим детям:

«...Запомните, что самое главное в жизни — революция и каждый из нас в отдельности ничего без нее не значит.

...Никогда не теряйте способности тонко чувствовать любую несправедливость, где бы на свете она не совершалась. Это самая прекрасная черта в характере революционера.

До свидания, дорогие дети, надеюсь еще увидеть вас. Обнимаю и нежно целую...»

Выдающийся революционер-интернационалист Эрнесто Че Гевара погиб 9 октября 1967 года, сражаясь за свободу боливийского народа.

В нашей стране вышло несколько книг, рассказывающих о жизни Че.

В очерке Е. Мясникова «Путь в легенду» речь идет о неизвестных до сих пор фактах из его биографии.

ПУТЬ В ЛЕГЕНДУ

ПОСЛУШАЙ, ДРУГ

Оказавшись в служебной командировке в Буэнос-Айресе, я вышел из метро на маленькой площади аргентинской столицы. Зажатая улицами Урибуру и Кордоба, узкая асфальтовая ладонь площади словно прогнулась под тяжестью здания медицинского факультета столичного университета.

Подхваченный оживленным потоком студентов, приветствующих друг друга и о чем-то темпераментно спорящих, я то и дело слышал начало фразы: «Эскучаме, че...» — «Послушай, друг».

Короткое и звучное «че» пришло в испанский язык из диалекта индейцев, некогда населявших нынешнюю территорию Аргентины.

Говорят, что именно так обращался к своим друзьям и знакомым человек, который учился в этом университете и стал легендой кубинской революции — Эрнесто Че Гевара. Или просто — товарищ Че.

ПОБЕДИТЕЛЬ

Бороться за свою жизнь, за возможность набрать легкими воздух Эрнесто пришлось чуть ли не с пеленок. Ему было два года, когда он заболел тяжелой формой астмы. Врачи полагали, что недуг неизлечим.

Однако, какой мальчишка в Аргентине удержится от того, чтобы не поиграть в футбол. И он увлекся футболом, без скидок на свою болезнь, вступил в местный футбольный клуб.

По свидетельству очевидцев, Эрнесто считался отличным игроком, хотя в основном составе команды появлялся нечасто — все из-за той же астмы. Но именно спорт стал для него активной формой борьбы с недугом. Затем пришло увлечение регби. И никто из болель-

щиков регбийного клуба «Эстудиантес» даже не предполагал, что этот ловкий и азартный нападающий порой испытывает нечеловеческие мучения. И значит, юный Эрнесто уже научился преодолевать себя.

Но были в те годы и другие увлечения. По рассказам его отца, еще учась в колледже, мальчик интересовался событиями гражданской войны в Испании. Восхищался стойкостью республиканцев, искренне переживал их поражение.

Учителя прочили ему блестящую карьеру математика, а он решительно заявил, что станет врачом. И добавил: «Потому что ненавижу несправедливость». Родные думали, что юноша имеет в виду несправедливость природы, которая с детства лишила его здоровья.

В 1945 году семья архитектора Гевары переезжает из маленького провинциального городка Кордоба в Буэнос-Айрес, чтобы дети смогли получить высшее образование. Верный своей мечте Эрнесто поступает на медицинский факультет университета и продолжает спортивную карьеру регбиста в университетской команде. Причем настолько успешно, что его приглашают в «Сан-Исидоро» — один из лучших клубов страны.

В этом не было бы ничего удивительного, если бы в те же дни он не получил и другое приглашение — призывную повестку на военную службу и по состоянию здоровья был признан «совершенно не годным» к ее прохождению в любом виде вооруженных сил.

Это официальное подтверждение диагноза-приговора, который он получил еще в детстве, Эрнесто стремится опровергнуть всеми силами. Никогда до сих пор ему не приходилось так много ездить с командой по стране, так часто участвовать в соревнованиях. И в этот момент подъема душевных и физических сил он впервые задумался о том, что по сути дела плохо знает свою страну, как живут ее простые люди.

Начинается период его длительных, полных приключений путешествий сперва по Аргентине, а затем и другим странам Латинской Америки. И всюду он остается верным своему принципу: все — только сам, своими глазами, своими силами, за собственный счет.

Дождавшись очередных каникул, он пересекает территорию Аргентины от ее северной границы до крайнего юга на... велосипеде. Вот когда Гевара по-настоящему столкнулся с голодом, нищетой и бесправием в стране, где, по словам ее тогдашнего президента Хуана Доминго Перона «невозможно было беспрепятственно ходить по коридорам Национального банка, заваленным слитками золота».

Транснациональный велорейд Гевары вызвал широкий интерес столичной прессы. Он впервые приобщился к журналистике, опубликовав свои путевые заметки. Этот репортерский навык не пропал даром: Эрнесто начал совмещать учебу в университете с работой спортивного комментатора в ряде газет. На какое-то время он даже сам стал издателем одной из них, но весьма ненадолго — за массивными стенами университета лежал все еще не ведомый ему континент. И он отправляется открывать «свою» Америку...

ОТКРЫТИЕ АМЕРИКИ

На этот раз он путешествует вместе с одним из друзей детства и коллегой по будущей профессии Альберто Гранадосом. На старом, видавшем виды «Харлее» они движутся к границе с Чили. Но мотоцикл не выдержал двоих, и при въезде в чилийскую столицу друзья вынуждены были оставить его на свалке.

Дальше — пешком и на попутных машинах — они продолжают свой путь на север, к границе с Перу, где на всю жизнь запомнил Гевара руины Мачу-Пикчу. Размах загубленной пришлыми европейцами индейской цивилизации буквально потряс молодых людей. Впрочем, с индейцами — самыми что ни на есть настоящими, их суровым укладом жизни и ремеслами, с их праздниками и несчастьями Геваре и Гранадосу предстояло познакомиться в верховьях Амазонки.

Там, в забытом богом и чиновниками министерства здравоохранения, затерявшемся в непроходимой сельве лепрозории «Сан-Пабло» будущим врачам пришлось пройти первую профессиональную «проверку боем». В течение нескольких месяцев они находятся в непосредственном контакте с прокаженными, оказывая всю возможную в их положении помощь.

Благодаря им в лепрозории появилась не только собственная маленькая лаборатория, но и футбольное поле, и площадка для игр в пелоту — популярную среди латиноамериканцев разновидность бейсбола. Как рассказал позднее Гранадос: «Больные искренне привязались к нам. Пытаясь как-то нас отблагодарить, они построили нам похожий на «Кон-Тики» плот, чтобы мы смогли добраться до следующего пункта нашего путешествия — Летисии, колумбийского порта, расположенного на берегах Амазонки.

...Мы прибыли в Летисию не только до предела измотанные, но и без сентаво в кармане. Наш непрезентабельный вид вызвал естественные подозрения у полиции, и вскоре мы очутились за решеткой. На этот раз выручила слава аргентинского футбола. Когда начальник полиции, страстный «инча» (болельщик), узнал, что мы аргентинцы, он предложил нам свободу в обмен на согласие стать тренерами местной футбольной команды. И когда «наша» команда выиграла районный чемпионат, благодарные фанатики кожаного мяча купили нам билеты на самолет...»

«ОСОБО ОПАСНЫЙ КОММУНИСТ»

1953 год. Уже дипломированный врач Эрнесто Гевара предпринимает свое второе и последнее хождение за северную границу Аргентины. Он не знает, что вернуться на родину ему

доведется еще только раз: в 1961 году президент республики Фрондиси примет у себя директора Управления промышленного развития революционного правительства Кубы Эрнесто Че Гевару. А пока 25-летний специалист по лечению аллергических заболеваний спешит завершить однажды начатое предприятие — спешит на очередную встречу с Америкой.

Путь его будет неблизким, и на нем появятся новые друзья и знакомые — в Боливии, Эквадоре, Панаме, Никарагуа, Коста-Рике. В спорах с ними, в постоянной полемике с самим собой по вопросу о личном отношении к жизни народов Латинской Америки, происходит становление политических позиций Эрнесто Гевары. В Коста-Рике он подолгу беседует с нашедшим в этой стране политическое убежище лидером венесуэльского движения Демократическое действие Ромуло Бетанкуром, встречается с другими политическими деятелями. В том числе — с участниками революционного Движения 26 июля, выступающими против диктатуры Батисты на Кубе. К этому периоду следует отнести и серьезное увлечение Гевары марксистской литературой.

Прекрасно знакомый с положением, в котором находятся обездоленные в любой латиноамериканской стране, Эрнесто устраивается на работу по специальности в Гватемале. Здесь в июне 1954 года его застает военный переворот, свергнувший буржуазно-демократическое правительство страны. Многое успел уже повидать на своем не длинном еще веку Эрнесто, но такое — танки, давившие гусеницами женщин и детей, солдатню, поголовно вырезавшую население целых предместий, орудийный огонь по жалким лачугам из тростника и глины в пролетарских районах — ему не могло присниться в самом кошмарном сне.

И он восстал — против крови невинных, против предательства и пустопорожней болтовни политиканов. Восстал с оружием в руках, в рядах союза Демократическая молодежь Гватемалы.

Потопив страну в крови, новоявленный диктатор Кастильо Армас отдал приказ уничтожить оппозицию. Эрнесто попадает в списки «особо опасных коммунистов, подлежащих расстрелу». С оставшимися в живых товарищами он продолжает действовать в подполье, а когда ищейкам Армаса удается напасть на его след, эмигрирует в Мехико.

СЛОВО И ДЕЛО

Нет, отнюдь не случайной была его встреча с братьями Фиделем и Раулем Кастро. Он сознательно искал единомышленников, чтобы продолжать революционную борьбу. Гевара включен в их группу, готовившуюся к вооруженному восстанию против диктатуры Батисты. Вот когда Че вынужден был до предела мобилизовать все свои силы. После изнурительных занятий по военной подготовке жестокие приступы астмы бросали его на постель — он вставал. Болезнь душила его — он ловил воздух ртом, замирал на секунду — и все точней и точней стрелял в тире... Он знал, что должен, обязан научиться трудному ремеслу солдата во имя главного — победы будущей революции.

Пройдет время, и мир узнает об их дерзком морском переходе на легендарной сейчас яхте «Гранма». О первой отчаянной атаке в декабре 1956-го, и о победе, которую они одержали в январе 1959-го года.

В декабре 1964 года, выступая на Ассамблее Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке Эрнесто Че Гевара с гордостью заявил:

«Я — кубинец, и я также — аргентинец, и, пусть не оскорбятся почтеннейшие сеньоры из Латинской Америки, чувствую себя не меньшим патриотом Латинской Америки, чем они. И в любое время, как только понадобится, я готов отдать жизнь за освобождение любой из латиноамериканских стран, не прося ни у кого ничего взамен, не требуя ничего, не эксплуатируя никого»...

Это не были красивые слова. Он знал, что подтвердит их на деле. И даже допуская мысль о собственном поражении, понимал, что иначе не может.

«Мое поражение,— писал он незадолго до своей гибели,— не будет означать, что победить было нельзя. Многие пережили поражение, стараясь достичь вершины Эвереста. Но в конце концов Эверест был побежден».

Рисунок Т. Панкевич

Весёлый звонок

Составил и оформил Л. Каминский

ПРИСЛАЛИ: ДИМА ЕРМОЛАЕВ (ГОРЬКИЙ), ВИКА АРУЛИНА (ДЗЕРЖИНСК ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛ.), АНЯ ТЫВАНЮК (ЛЬВОВ), МАРИНА СКРИПКИНА (ЛЕНИНОГОРСК), НАДЯ ПОПОВА (ПЕТРОПАВЛОВСК-КАМЧАТСКИЙ).

Конкурс

Активный Витя

Галина Александровна вызвала к доске Витю и попросила его прочесть свое сочинение на тему «Мои зимние каникулы».

Витя Пи́скунов вышел к доске и стал читать:

«Во время зимних каникул я посетил несколько елок. На каждой из них я был очень активен. Я читал стихи, пел и даже танцевал. Я делал это для того, чтобы получить побольше подарков, которые я очень люблю...»

И все засмеялись!

Саша Щербинина,
4 класс,
Куйбышев

Режим дня

Шел урок английского языка. Мы должны были по-английски рассказывать о своем режиме дня. Когда вызвали Диму Жукова, он сказал:

— Я встаю в семь утра и делаю зарядку...

— Дальше,— попросила учительница.

— Потом я завтракаю, собираю портфель и иду в школу.

— Прекрасно, — сказала учительница,— только ты забыл умыться и одеться!

И все засмеялись!

Вова Петров,
Тара
Омской обл.

„И все засмеялись!“

План по снегу

Мы с подругой смотрели в окно.

— Смотри, какой снегопад! — сказала подруга.— В декабре снегу было мало, вот он решил в январе наверстать!

— Да,— ответила я,— план выполняет!

И все засмеялись.

Таня Колесникова,
6 класс,
с. Подгорное
Воронежской обл.

Важная роль

Это произошло на уроке природоведения. Мы проходили строение человека. Фаина Семеновна спросила Сашу:

— Какую роль в жизни человека играет череп?

— Большую,— ответил Саша.

— А точнее?

— Он думает! — ответил Саша, и все засмеялись!

Вова Чикунов,
Ялуторовск
Тюменской обл.

Вопрос с места

На уроке украинской литературы мы учили стихотворение Т. Шевченко «Сон». Ребята отвечали неуверенно, поэтому учительница строго напомнила:

— Вы должны хорошо знать творчество Тараса Григорьевича Шевченко! Учтите — обязательно будет на экзамене!

Тут один ученик испуганно спросил:

— Неужели сам приедет?

И все засмеялись!

Алла Михайлова,
пос. Новгородка
Кировоградской обл.

Внимание! Внимание! Наш конкурс продолжается!

«Интересно, а что это за конкурс?» — спросят ребята, которые впервые выписали наш журнал. Отвечаю: это веселый конкурс для тех, кто умеет наблюдать и обладает чувством юмора. Это конкурс юмористический и немного сатирический, потому что он помогает увидеть наши недостатки. Вот условия конкурса:

1. Нужно вспомнить или придумать смешную историю, которая должна кончаться обязательной фразой «И все засмеялись!».

2. Сюжеты должны быть самостоятельными: не разрешается списывать из журналов и книг. А некоторые «авторы» умудряются даже присылать мне истории, списанные прямо из «Костра». Никак не могу понять логику этих юмористов!

3. Придумывать заголовок к рассказу и рисовать иллюстрацию не обязательно.

4. В письме нужно указать свое имя, фамилию, класс, в котором учишься, и точный домашний адрес.

5. За самую смешную историю присуждается приз — веселая книжка.

6. Свои рассказы (а также смешные ответы на уроках и фразы из школьных сочинений) присылайте по адресу: 193024, Ленинград, Мытнинская ул., 1/20, «Костер», Учителю смеха.

Некоторые ребята просят ответить, понравился ли их рассказ. Увы, я сделать этого не в состоянии, потому что на конкурс приходят тысячи писем. Поэтому прошу авторов набраться терпения и ждать результатов конкурса в 12 номере нашего журнала.

Итак, юмористы, за работу! Желаю успеха.

Учитель смеха

УГОЛОК ЛЮБОПЫТНЫХ ФАКТОВ

Еще в начале нашего века со дна моря, близ берегов Греции, был поднят металлический ящик, в котором были 32 зубчатых колеса и соединенные с ними пластинки с буквами и цифрами. Ящику две тысячи лет. Ученые долго думали, что это астрономический прибор. «А что если это первый компьютер?» — родилась сейчас смелая догадка.

● ● ●

Роботы находят себе все новую работу. Созданный в США робот «Одекс» может подниматься по лестнице. При этом он несет груз до 760 кг. Роботы-сторожа не только охраняют дом, но и сами подают сигнал тревоги в случае пожара или если в дом влез грабитель.

● ● ●

В Канаде построен робот, который заменяет для новорожденных поросят маму. Он греет их лампой, кормит молоком и даже... похрюкивает.

● ● ●

В Эдинбурге по заказу владельца ресторана был построен робот-официант. Однако, его карьера длилась недолго. В первый же день Донк (так звали робота) разбил несколько чашек и опрокинул стол. От услуг неумелого робота пришлось отказаться.

ВСЕСОЮЗНЫЙ СПОРТИВНЫЙ КЛУБ

Юрий ТАРМАК — Чемпион XX Олимпийских игр по прыжкам в высоту, заслуженный мастер спорта СССР, президент Всесоюзного спортивного клуба «Кузнечик» отвечает на вопросы читателей «Костра»

Сережа Николаев, 6 класс, Москва: «Хочу стать сильным и ловким. Но в спортшколу и в этом году меня не взяли, сказали, что я бесперспективный. Почему такая несправедливость: одни могут заниматься, а другие нет!»

— Чтобы стать сильным и ловким, не обязательно поступать в спортивную школу. Каждый может сам многого добиться. Это раз. А во-вторых, ни один, даже самый великий тренер не знает, на что способным окажется его ученик через 3—4 года. Рост, вес и другие физические качества юного спортсмена — это еще не все. В спорте в первую очередь важны такие качества, как воля, трудолюбие, целеустремленность. И, пожалуй, лучше всего я могу доказать эту старую, как мир, истину на своем примере.

В детстве я рос слабым и болезненным мальчиком. Когда учился в третьем, четвертом и пятом классах, соревнуясь с ровесниками, прочно занимал последнее место. Одним словом, был самый что ни на есть бесперспективный. Но я очень не хотел быть последним. И свою первую спортивную награду получил опять-таки в третьем классе. В одно из воскресений в школе проводились соревнования по легкоатлетическому многоборью. В расписании соревнований толкание ядра было одним из последних. И к тому времени, когда они начались, все мои одноклассники разошлись по домам. Ядро я толкнул на три или четыре метра. Ребята из класса сделали бы это лучше, чем я. Но они ушли, и я стал победителем. Шло время, и положение постепенно стало меняться. В шестом классе я уже занимал не последнее, а предпоследнее или третье от конца место. В седьмом — я уже был твердый середнячок. В восьмом меня взяли в сборную школы по легкой атлетике. Что меня привлекало в соревнованиях? То, что их проводили сами ученики школы. Хорошо помню, как однажды во время летних каникул я и несколько моих товарищей поехали за город. Мы нашли в лесу полянку и стали размечать дорожки и сектора для прыжков. Этим мы занимались несколько дней подряд, с утра до вечера, пока не решили, что на нашем «стадионе» можно проводить соревнования по всем видам спорта. Единственное, что смущало,— ни у кого из нас не было не только секундомера, но и ручных часов. Поэтому тот, кто судил бег, должен был стоять на финише и считать: «Раз, два, три...» и т. д. Почему? Большинство наших соревнований были многоборными. И здесь, чтобы определить чемпиона, требуется знать не только место, которое ты занял, допустим, в беге на 100 метров, но и результат, то есть время.

Кира Размыслова, 8 класс, Кустанайская область: «Я собираю книги, газетные и журнальные вырезки о советских спортсменах — чемпионах Олимпийских игр. Но о Вас у меня ничего нет. Расскажите, как проходили соревнования в Мюнхене, если можно, с подробностями...»

— 10 сентября 1972 года. За двадцать минут до начала соревнований все прыгуны в высоту должны были собраться на центральной арене стадиона. Идем через тоннель под трибунами, где у входа — полицейский кордон. В этот момент меня кто-то просит дать автограф. Останавливаюсь буквально на несколько секунд. Полицейские все это видят, но меня решили не пропускать. Что делать? Обращаться в оргкомитет и доказывать, что с тобой поступили неправильно? Пока бегаешь, соревнования уже начнутся. Я поступил иначе. Отойдя метров на 20, разбежался и бросился на стоявших плечом к плечу блюстителей порядка. От неожиданности они на миг расступились, и я сумел проскочить на стадион.

После этого я уже ни на секунду не отвлекался. И все шло по плану, как и положено. Меня часто спрашивают, подсуживают ли на Олимпиаде судьи? Если подсуживают, то делают это так, что трудно придраться. Помню такой момент. Перед стартом каждый спортсмен делает несколько разминочных прыжков. Он делает это для того, чтобы рассчитать разбег и выбрать точку отталкивания. Но когда я стал прыгать уже для зачета, в этой точке почему-то оказывался один из судей. И мне каждый раз надо было его просить встать в другое место. И еще подробность. Разбегаясь для прыжка, я должен был на несколько шагов выходить из прыжкового сектора. Там стоял маленький металлический заборчик. Я взял одну секцию этого заборчика и отнес ее в сторону, освобождая для себя проход. Но когда начал разбегаться, увидел: секция стоит на своем месте. Я опять отнес ее в сторону. И так повторилось неоднократно. Конечно, все это мелочи. Но по правилам, на каждый прыжок дается только две минуты и тебе никто не должен мешать.

В секторе нас было 19 человек. Я прыгал вторым. Но тот, кто был первым, вскоре выбыл из борьбы. Таким образом, я получил психологическое преимущество над своими соперниками: не я их, а они меня догоняли. И мне надо было это преимущество сохранить — все высоты брать с первой попытки. Соревнования продолжались около пяти часов. Чтобы сберечь силы и нервы, я даже не смотрел, как прыгают другие. Наконец, нас осталось трое — Стефан Юнге из ФРГ, американец Дуайт Стоунз и я. И Юнге и Стоунз проиграли мне на соревнованиях в Осло накануне Олимпийских игр. Я знал, что они это помнят и эти воспоминания рано или поздно выбьют их из колеи. Так оно и случилось. Я стал первым, Юнге — вторым, Стоунз — третьим. И в таком порядке мы уже готовились подняться на пьедестал почета, как вдруг над стадионом загремел гром и начался страшный ливень. Он был такой силы, что через несколько минут на стадионе никого не осталось. Все — зрители, судьи и участники соревнований,— бежали искать убежище от дождя. Мы тоже бежали. А потом сидели в каком-то закутке и ждали, когда на небе выглянет солнце.

Валя Бобылев, 4 класс, Калининская область: «Я часто думаю, если бы была машина времени и чемпионы «Кузнечика» поехали на соревнования в Древнюю Грецию, смогли бы они стать олимпийскими чемпионами или нет?»

— Ни в одной из книг, рассказывающих об истории Олимпийских игр в древности, соревнования по прыжкам в высоту не упоминаются. Скорее всего, древние греки в высоту не прыгали. Первое упоминание о соревнованиях прыгунов в высоту относится к 1896 году. В тот год по предложению французского общественного деятеля Пьера де Кубертэна в столице Греции Афинах проводились I Олимпийские игры современности. С результатом 181 см Негрис Теодоракис стал первым олимпийским чемпионом по прыжкам в высоту. Если учесть, что спортсмен, который занял второе место, отстал от него на целых 16 см, можно с уверенностью сказать: преимущество Негриса над его соперниками было подавляющим. Но смог бы он достойно выступить, если бы ему пришлось соревноваться с сегодняшними мальчиками и девочками — членами нашего спортклуба? Рекорд «Кузнечика» среди мальчиков старшей возрастной группы — 212 см. Его установил Женя Танага из Нарвы. С этим результатом американец Чарльз Дюмас стал чемпионом XVI Олимпийских игр, которые проводились в Мельбурне в 1956 году.

Интересно, знает ли Женя Танага, что с этим достижением он бы стал и чемпионом XV Олимпийских игр в Хельсинки. А через четыре года, в Мельбурне, разделил бы 1 и 2 места с американцем Чарльзом Дюмасом.

А что же Негрис? Сегодня он смог бы победить только мальчиков младшей возрастной группы.

А вот первая олимпийская чемпионка Э. Кетервуд из Канады не смогла бы сегодня обыграть даже девочек младшей возрастной группы «Кузнечика». У них рекорд — 162 сантиметра. Его установила Света Прокопенко из Бердичева, а у Кетервуд было всего 159 см. И было это в Амстердаме, в 1928 году, когда соревнования по прыжкам в высоту среди женщин впервые были включены в программу Игр.

Что же касается сегодняшних рекордсменов «Кузнечика» Аиды Эсморалиевой из Ташкента и Лены Грибановой из Ростова, их результат — 183 сантиметра — выше достижения болгарской спортсменки М. Резковой, чемпионки XVII Олимпийских игр в Мехико.

Меня могут спросить: «Значит, «кузнечики» прыгают лучше чемпионов прошлых лет?» И я отвечу: «Да, лучше». Но, сравнивая их результаты, мы должны помнить всю историю этого вида легкой атлетики. О чем она говорит? Шло время и сменялись не только чемпионы, но и сама техника преодоления планки. На смену одному стилю прыжка приходил другой, более прогрессивный. Сегодня никто из «кузнечиков» не прыгает «волной», «ножницами» или «перекидным». Все прыгают «флопом», «спиной». В этом все дело.

ДЕВОЧКА ТИ И МАЛЬЧИК ТА

ИНДИЙСКАЯ СКАЗКА

Рисунки К. Овчинникова

В индийских семьях очень любят детей. И их всегда много в каждом доме. Особенно в деревнях. А вот у Камлы и Динеша не было детей, и они очень грустили: Камла порою плакала, а Динеш тяжело вздыхал.

Динеш сеял пшеницу, сажал рис, а Камла вела их небольшое хозяйство. Когда урожай поспевал, Динеш укладывал на телегу, запряженную волом, мешки с пшеницей и рисом и вез в город на базар. Он сдавал свой товар хитрому торговцу, а сам покупал у него соль, сахар, спички. Больше ничего.

Но вот однажды он привез целую корзину удивительных вещей: сари, браслеты и шлепанцы для жены. А потом протянул ей большой пакет:

— Взгляни-ка, что еще я купил!

Камла поспешила развязать пакет. В нем оказались две коробки. Камла раскрыла одну из них. В ней была чудесная кукла. Девочка. К ее платьицу была приколота бумажка с именем — «Гомти».

— Какое красивое имя! — сказала Камла.— Была бы у нас девочка, мы бы назвали ее Гомти...

— Открой же вторую коробку,— напомнил Динеш.

Во второй коробке тоже была кукла. Но только мальчик.

— А его зовут Камта! — обрадовалась Камла, откладывая бумажку с именем куклы.— Это самое лучшее имя для сыночка!

Динеш согласился с женой,но подумал про себя: а может быть, он зря купил эти куклы? Не помутился ли разум у жены? Уже называет их «дочкой» и «сыночком».

А Камла, когда пришло время ложиться спать, уложила кукол, которых звала уже по-домашнему Ти и Та, и накрыла их простынкой.

Утром, едва проснувшись, Камла подошла к Ти и Та и сказала:

— Доброе утро. Вы пока еще полежите, а я приготовлю завтрак.

Ничего не ответили Ти и Та, но Камле показалось, что они улыбнулись.

«Померещилось»,— подумала Камла и пошла готовить завтрак.

В это время проснулся Динеш и тоже сразу пошел к Ти и Та.

— Доброе утро, дети,— сказал он, надеясь, что Камле это будет приятно.— Уже проснулись?

Ему показалось, что куклы кивнули.

Динеш не поверил собственным глазам и подошел к Камле.

— О, да у нас сегодня прекрасная еда!— заметил он, гля-

дя, как жена намазывает патоку на горячие лепешки и ставит на поднос криночки с молоком.

— А как же? — отозвалась Камла.— Ведь дети должны хорошо питаться, чтобы быстрее расти!

Камла пошла подымать детей. Она протянула руки, чтобы взять их, но они вскочили и сами сели на подушечки. Удивились Камла и Динеш, но ни слова не сказали: боялись спугнуть свое счастье.

Дети быстро справились с едой, и Та вдруг сказал:

— Спасибо, папа и мама, теперь мы уже совсем ожили.

И как раз в это время из сада послышался звук мощных крыльев. Потом на пороге домика показалась голова огромного Ворона.

— Здравствуйте! — прокаркал он.— Вы не узнаете меня?

Камла вдруг побледнела и подошла к Ворону:

— Это ты?! — спросила она.

— Я,— ответил Ворон.— Я прилетел, чтобы рассказать вам, что когда-то стал причиной вашего несчастья. Я, правда, постарался сделать так, чтобы вы забыли, что у вас когда-то были дети. И все жители деревни тоже. Теперь же, когда я вернул вам ваших детей, я решил рассказать вам все, что случилось.

Оказывается, десять лет назад у Камлы и Динеша в один замечательный день родились мальчик и девочка. Гомти и Камта. Однажды, когда мать гуляла с детьми по берегу Синего Озера, они увидели Ворона, который пытался взлететь, но крылья не поднимали его. Увидев женщину с детьми, Ворон простонал:

— Я голоден, умираю от жажды. Я ранен. Перевяжи мои раны, женщина, и дай мне приют в твоем доме на несколько дней!

— Ну что ж, иди за нами! — отозвалась женщина и пошла к дому, держа детей за руки.

— Я не в силах,— простонал Ворон.— Донеси меня!

— Донести?! — Камла с жалостью смотрела на огромную птицу.— Но мне не поднять тебя... — И вдруг решилась:— Дети!— сказала она.— Ворон умрет, если я не потороплюсь. Вам не успеть за мной. Подождите здесь...

И потащила Ворона к деревне. Она дотащила его до дома, напоила, накормила его, перевязала раны и побежала к озеру за детьми. Но не найдя их там, прибежала домой, громко рыдая и разрывая в горе на себе одежду. Ворон понял, что что-то случилось с детьми. «А ведь это моя вина»,— подумал он. Но что он мог сделать сейчас, слабый, больной? Вот когда он окрепнет, то непременно разыщет малышей. А пока... Пока он мог сделать только одно: прочесть заклинание забвения, которому когда-то научился от отца.

Заклинание оказалось настолько сильным, что едва Ворон произнес его, Камла перестала плакать, с удивлением посмотрела на свою изодранную одежду, потом улыбнулась, обращаясь к Ворону:

— Я порвала ее, пока тащила тебя...

Наступил день, когда Ворон поправился, распрощался с хозяевами и улетел. Он всюду залетал, заглядывал, прислушивался к разговорам. Все напрасно. Но вот однажды в магазине, куда, как знал Ворон, Динеш привозил свою пшеницу и рис, он увидел в витрине две прекрасные куклы. Вылитые Гомти и Камта! Ворон мог разбить витрину, схватить кукол и отнести их Динешу и Камле. Но что проку, если вместо живых детей родители получат тряпичные куклы? Надо узнать, что произошло с детьми, как снова вернуть их к жизни! Ничего другого не оставалось Ворону, как сторожить у магазина, ко всему прислушиваясь и присматриваясь. Ему повезло: как-то вечером в магазин вошел бедно одетый старик и спросил у хозяина, кивая на кукол:

— Все еще не проданы?!

— Как видишь! — огрызнулся хозяин.— Зря я только заплатил тебе...

— Ты дал мне всего две рупии, а сам просишь за каждую куклу по сотне! Вот и не покупают их!

— Чем дороже я их продам, тем больше получишь и ты.

— Поэтому я и хожу сюда. Мне так нужны деньги,— отозвался старик и вышел из магазина.

Ворон полетел за ним и на одной из пустынных улиц подлетел к старику:

— Слушай, старик, ты получишь не 20 рупий, а все двести, если расскажешь мне все, что знаешь об этих куклах.

— Ах, это ты?! Тот самый Ворон,— отозвался старик и рассказал Ворону, что был тогда у озера.

— Где же ты был?! — удивился Ворон.

— Я сидел под кустами.

— Ну и что было дальше?

— А дальше к озеру подошел слон. На его спине был паланкин, а в паланкине восседали сам Махараджа со своей злой дочкой Радкумари. Радкумари увидела ребятишек и заявила, что хочет увезти их с собой во дворец. Но дети убежали. Радкумари, как ты знаешь, умеет колдовать, и вот, разъярившись, она крикнула вдогонку детям: «Тогда превращайтесь в тряпичных кукол, негодники!» А Махараджа, который немного добрее своей дочери и тоже умеет колдовать, тихо добавил: «До тех пор, пока родители не отыщут вас и не полюбят тряпичные куклы, как своих собственных детей!» И слон ушел.

— А ты,— с негодованием перебил его Ворон,— продал их...

— Я бедный человек,— запричитал старик.— Да и в магазине им лучше, чем на берегу озера!

— Это почему же?

— Ни дождей, ни палящего солнца, ни прохожих, ни зверей...

Ворон заплатил старику двести рупий, а потом подбросил мешочек с несколькими золотыми монетами в повозку Динеша...

— Так, значит,— задумчиво сказал Динеш,— я купил собственных детей!..

Камла же бросилась обнимать Ти и Та, крича при этом: «Я все вспомнила! Вспомнила!»

Ворон распрощался с хозяевами, пообещав иногда прилетать к ним в гости, а счастливое семейство осталось жить-поживать в своем домике в своей родной деревне.

Пересказала Р. БАРАННИКОВА

ТВОРЧЕСТВО ТВОИХ РОВЕСНИКОВ

Ане Альбедиль *12 лет. Она живет в городе Гатчина Ленинградской области. В стихах Ани много выдумки и фантазии. В самых обычных предметах она умеет увидеть скрытую в них красоту.*

ПОДУМАЕШЬ...

— У меня в кармане фантик!
— Подумаешь!
— Подумаю! Подумаю о том,
Что фантик — это парус,
А щепка — это лодка,
А лужа — это море,
А камень — это рифы,
А веточка — дракон.
— Подумаешь!
— Подумаю! Подумаю о том,
Что парусная лодка,
Дракона встретив в море,
Дракона испугавшись,
На рифы наскочив,
Отбросится волною.
— Подумаешь!
— Подумаю! Подумаю о том,
Что если нет фантазии,
То парус — это фантик,
А лодка — это щепка,
А рифы — это камень,
А море — это лужа...

Четвероклассница ***Аня Терновская*** *учится в школе № 62 города Барнаула. Стихи она стала сочинять совсем недавно. Одно из четырех присланных Аней стихотворений мы решили напечатать.*

ЗИМОЙ

Зимой деревья белые
Стоят и не качаются,
Зимой деревья в иней
Пушистый одеваются.
Зимой белым-бело вокруг.
Полянки замело.
Зимой под беленьким снежком
Полям родным тепло.

Дима Косолапов *из Ленинграда — шестиклассник. Дима занимается в школьном кружке «Родная природа». «Я учусь на наблюдать за природой, узнавать имена растений, определять птиц по голосам»— написал он в своем письме. Дима записывает свои наблюдения за природой, и порой эти заметки становятся вполне самостоятельными произведениями.*

ЗИМНИЕ ДЕРЕВЬЯ

Красив зимний лес! Деревья оделись в белые сверкающие одежды. Снежинки, как маленькие алмазики, сверкают, и брызжут в глаза колючие разноцветные искры. Снег пушистым ковром покрыл землю. Под ним скрывается от мороза много растений и кустов. Снег их защищает.

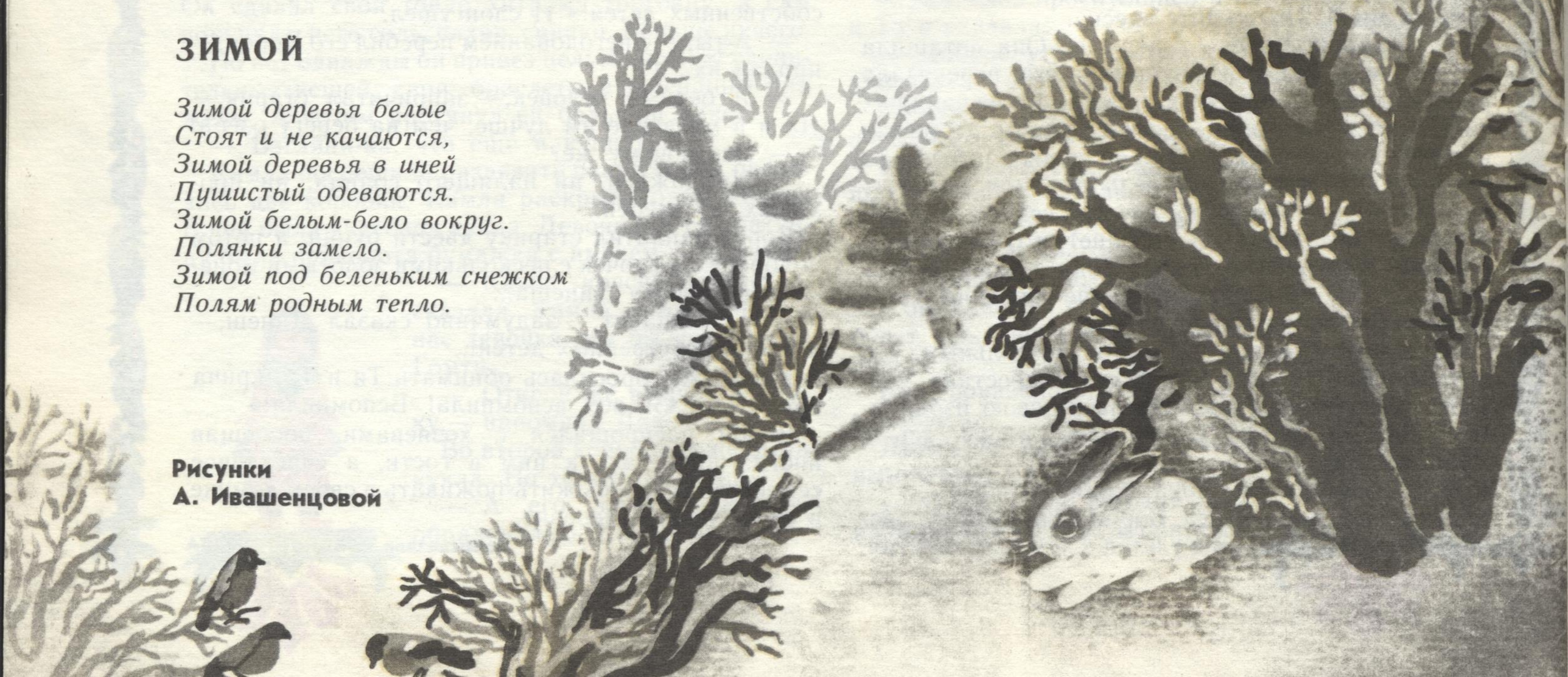
Есть ели-коротышки и ели-великаны. Огромные ели охраняют тишину леса. Нижние ветви раскинулись шатром. Под ним лесным зверькам хорошо отдыхать и прятаться.

На поляне, как будто разбежавшись друг от друга и замерев на месте, слушая поскрипывание снега под лапами зверей, стоят маленькие заснеженные елочки. Изредка заворошится под снегом прижатая к земле ветка и, как по команде, взлетят вверх красногрудые снегири и маленькие синички. И долго сыплется с елочек снежный дождь.

Цвет ствола березы сливается с цветом снега. Только черные полоски и ветки выделяются на белом фоне. А летом наоборот, белый ствол березы как будто напоминает о зиме.

Высокие молчаливые дубы — самые могучие деревья в лесу. Широко раскинув крепкие ветви, они стоят, словно задумавшись о чем-то. В глубокие морщины коры набился снег, и издалека кажется, что ствол прошит серебряными нитями. Приятно встретить в лесу великана-долгожителя.

Красивы деревья летом, но зимой они еще красивее!



Рисунки
А. Ивашенцовой

КТО ХОЧЕТ СТАТЬ ЧЕМПИОНОМ?

Главнокомандующий Армией Разведчиков Черно-Белых Клеток (АРЧЕБЕК) объявляет Чемпионат-89 открытым!

Он проводится — а) по шахматам (ШХМ), б) по русским шашкам (РШ), в) по международным шашкам (МШ). В нем можно завоевать — а) спортивный разряд, б) диплом, в) приз.

В приеме в АРЧЕБЕК и в Чемпионат не отказывать никому! Кто умеет играть, того сразу зачисляют разведчиком, а неумеющие попадают в особый Отряд Резерва, где проходят необходимую подготовку.

Как написать заявку? Очень просто! Садись, пиши: «Прошу включить меня...» Укажи фамилию, имя, класс, разряд (если есть), свой адрес и в каком из видов (ШХМ, РШ, МШ) ты будешь участвовать. Записаться можно и по двум видам и по трем, но заявки (а потом рапорты о выполнении заданий) нужно писать раздельно — на открытках, не вкладывая их в конверт. Адрес АРЧЕБЕКа: 193024, Ленинград, Мытнинская, 1/20, «Костер», АРЧЕБЕК.

Нужно ли ждать ответа на заявку? Нет! Написал — вступай в сражение. Боевые задания смотри в рубрике «Чемпионат».

Как будет проходить Чемпионат? Сначала — отборочные состязания («Костер» №№ 1—7). В них каждая из 14 задач принесет по 5 очков. Разведчики, набравшие 40 очков, выйдут в финал (№№ 8—10), где и сразятся за разряд, диплом, приз (об условиях финала узнаешь в № 8). Итоги Чемпионата для мальчиков и для девочек будут подводиться отдельно.

Все вступившие в АРЧЕБЕК смогут, помимо Чемпионата, выступить — в конкурсе **«Майский приз»** (в № 5), в конкурсе **«Я — композитор!»** (составление задач, в № 7), в конкурсе **«Первый шаг»** (в № 9), в конкурсе **«Новогодний приз»** (в № 12). **За успех в этих соревнованиях разведчики награждаются!**

ЧЕМПИОНАТ

Доблестные разведчики! Боевые задания 1-го тура — тут.

ШАХМАТЫ

А. Белые: Крb6, Фh3; черные: Крa8, Ле8, Кf7, пп.b7, d6.

Б. Белые: Крd6, Фf5, Кf4, п.f2; черные: Крh4, Сf3, Кf8.

Цель разведки: и в А и в Б (автор обеих Олег Шалыгин, Днепродзержинск) объявить черным мат в 2 хода.

Разъяснение обстановки: задание «объявить мат в 2 хода» означает, что нужно найти и сделать такой ход за белых, при котором, как бы черные ни ответили, вторым ходом им будет дан мат.

На диаграмме еще одна задача Олега, где он предлагает найти мат в 2 хода. Решаем... Что если пойти 1.Фb3? Тогда, если 1... Ла6 или 1... Ла5, то 2.Ф:b7X, если 1... Ла4+, то 2.Ф:a4X. Решили? Нет: при ответе пешкой — 1... b6 (или 1... b5) мат не дать. А что, если начать 1.Ла2? Тогда, если 1... b6, то 2.Фс6X, если 1... Л:a2 2.Ф:a2X, если 1... Ла4+ 2.Ф:a4X. Решили? Опять нет: при 1... Ла6! мат не дать. И, наконец, приходит в голову ход. 1.Фс6. Смотрим все ответы черных — ура! — мат получается при любом! (Убедись в этом сам.) Значит, задачу решает ход 1.Фс6! Это ты и должен был бы написать в рапорте.

РУССКИЕ ШАШКИ

А. Белые: b2, b6, c1, d4, f2; черные: b4, e3, f6, f8.

Б. Белые: a5, c3, c5, g3, h4; черные: a7, b8, d6, e3, e7, h6.

Цель разведки: и в А и в Б (автор обеих Б. Ручкин, Кировск), командуя белыми, найти путь к быстрой победе.

Разъяснение обстановки: к выполнению задания ведет комбинация. За справкой о том, что это такое, можно обратиться (в отдельном письме!) к шахмат-адмиралу Ферзьбери.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ШАШКИ

А. Белые: 26, 37, 45, 48, 50; черные: 7, 16, 18, 25, 29, 30, 35.

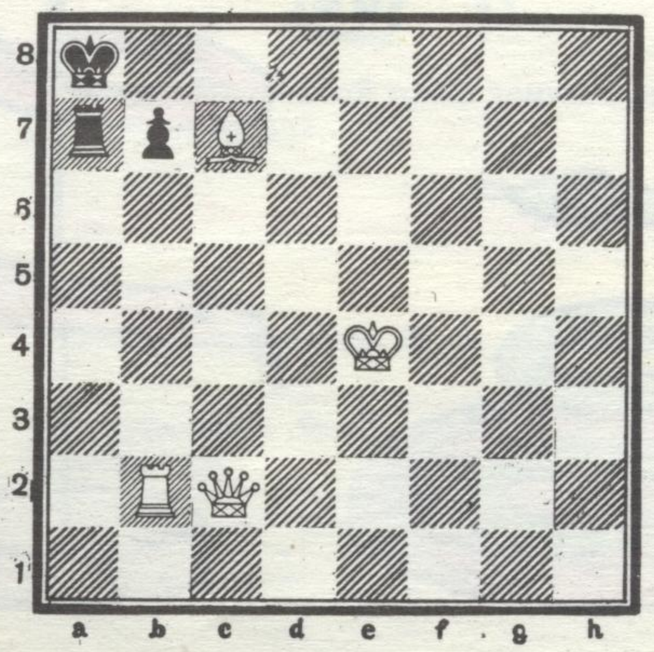
Б. Белые: 27, 28, 33, 37, 38, 39; черные: 9, 10, 14, 16, 20, 26, 30, 40.

Цель разведки: и в А и в Б доказать выигрыш белых.

Разъяснение обстановки: в МШ запись ходов цифровая, для чего каждому темному полю присвоен номер от 1 до 50; счет идет от верхнего левого поля (1) — т. е. оттуда, где стоят черные,— к нижнему правому (50) — т. е. туда, где стоят белые. В МШ играют так, как в РШ, но есть еще три особых правила — они будут напечатаны позже. В сегодняшних заданиях эти правила применения не находят.

ЗАДАНИЕ РЕЗЕРВУ

А. Узнать, как называются фигуры и как они ходят.



Б. Узнать, что такое шах, мат, пат.

В. Придумать, нарисовать и прислать позиции — с шахом, с матом, с патом.

Сделав это, ты получишь 5 очков.

КИОСК «МГНОВЕННАЯ СПРАВКА»

— Как узнать, куда в задаче идут белые и черные пешки?

— Белые всегда вверх, черные всегда вниз!

— Как узнать, чей ход — белых или черных?

— Первыми ходят белые! (Когда не так, то это оговаривается.)

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 9 решаются так.

Чемпионат. ШХМ. А. В три — 1.Фh1! Лb8 2.Лb6! **Б.** В три — 1.Фg7! Кр:d1 2.Крd3; 1... Крf2 2.Фg1+; 1... Кр:e3 2.Фd4+; 1... f2 2.Фg4+. **В.** Ничья — 1.g6+ Крh8 2. Ке7! h2 3.Крd5! h1Ф+ 4.Крe6, 1... Крh6 2.Кe3. **Г.** Выигрыш 1.b6 Крc6 2.Cb5+!; 1... Сc6 2. Cd5! **Д.** Выигрыш — 1.h6 Са2 2.Крg5 Сb3! 3.Cd7! Се6 4.Крf6! С:d7 5.Крf7. **Е.** Белым не спастись — 1.Крb4 Кb6! 2.Крb5 Ка8! 3.a4 Крe2 4.a5 Крd3 5.a6 Кc7+!

РШ. А. Нельзя: 1... de5? 2.d4! 3.b2! 4.f4 5.d4 6.b4X. **Б.** Можно: 1... de5 2.d4? 3.b2 4.f4 5.d4 6.b4 7.d2 8.f2 9.b8 d6! 10.h8 g5!X. **В.** 1.e7! 2.d6!X. **Г.** 1.g7! 2.g5!X. **Д.** 1.e5! ab2 2.ec7! 3.c5!X; 1... d2 2.c3X. **Е.** Белым не спастись — 1.e5 c1! 2.d6 f4 3.e7 d6! 4.c5 g1 5.d6 c7!X.

МШ. А. 1.24—19! 2.30! 3.20 4.22X. **Б.** 1.42! 2.25! 34 3.41!X. **В.** 1.21! 2.28! 3.41!X. **Г.** Белым не спастись — 1.25 18! 2.14 23! 3.18 6!X. **Д.** 1.23.—29! 43 2.5 44—49 3.20!X; 1... 49 2.47 43 3.34—29X. **Е.** 1.39! 2.43! 3.33! 4.20!X.

Резерву. 1.Cf3!

ПРИКАЗ № 1

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКом, приказываю:

§ 1. Каждому разведчику выбрать для себя пароль (слово или фразу) и указывать его и номер тура в левом верхнем углу рапорта.

§ 2. Рапорт писать на открытке и отправлять в течение двух недель со дня получения журнала.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

В последнее время появилась мода на сувениры — символы года. Каждый год по восточному летоисчислению носит имя реального или мифического животного. Восемьдесят седьмой был годом Кролика, восемьдесят восьмой — Дракона, нынешний — год Змеи. В подарок друзьям мы покупаем забавные фигурки животного, кухонные доски и календари с его изображением. А ведь можно сделать сувенир своими руками. Какое раздолье фантазии! Как интересен и неожиданен может быть наш шутливый подарок!

Давай сошьем змею. Сначала нарисуй выкройки на бумаге, потом наложи на ткань и вырежи, оставив около сантиметра на шов. Вырезав детали внутренней стороны рта (тоже не забудь про припуск на шов), соедини и сшей их ромбиком. Детали рта и туловища сложи лицевыми сторонами внутрь и сшей, а после этого сшей само туловище, оставив посредине отверстие для набивки. Подровняв швы, выверни змею и набей ее ватой, заделай отверстие для набивки. Пришей фетровый язык и пуговицы — глаза.

Очень эффектна змея большого размера. Если для змеи тебе не хватает длины ткани, разрежь выкройку пополам или на три части. В этом случае сшивание деталей надо начинать не со рта, а соединить сначала отрезки туловища.

Вторая змея сшита из лоскутков, которых много в каждом доме. Принцип шитья тот же, но сначала надо заняться «наборной» работой — сложить и сшить туловище из равносторонних треугольников и головы.

А теперь бумажные змейки-загадки. Они сделаны из папиросной бумаги.

Одна змейка вырезана «улиткой». Хвост ее обжат вокруг спицы, чтобы змейка держалась на ней. Спица укреплена на пробке или половинке картошки. Поставь змейку на батарею парового отопления — она станет вращаться.

Другая змейка приклеена капелькой клея за кончик хвоста в коробочке от вазелина. Она там полностью помещается. Если ты потрешь шариковую ручку о шерсть, а потом поднесешь к змейке, она поднимется из коробочки и замрет.

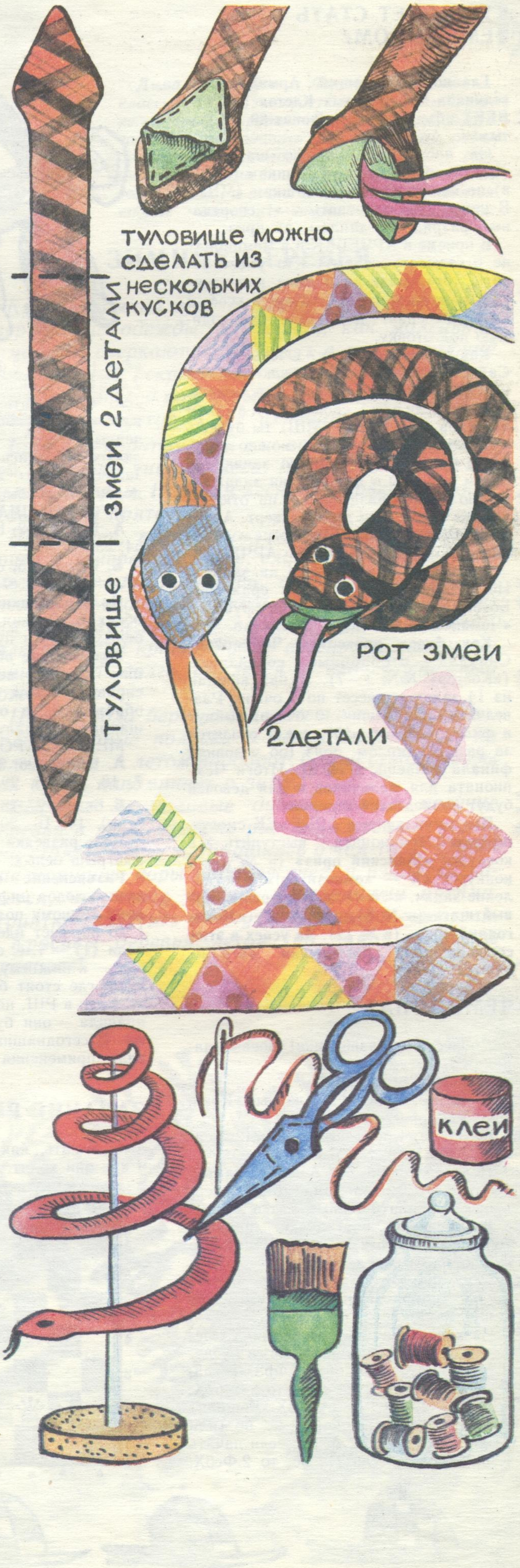
Эти фокусы (а показывая их малышам, представь шариковую ручку волшебной палочкой и вспомни известное тебе заклинание, если же не знаешь заклинания — сочини) основаны на простых законах физики. Объясни: почему первая змейка вращается вокруг спицы, а вторая поднимается из коробки по знаку волшебной палочки?

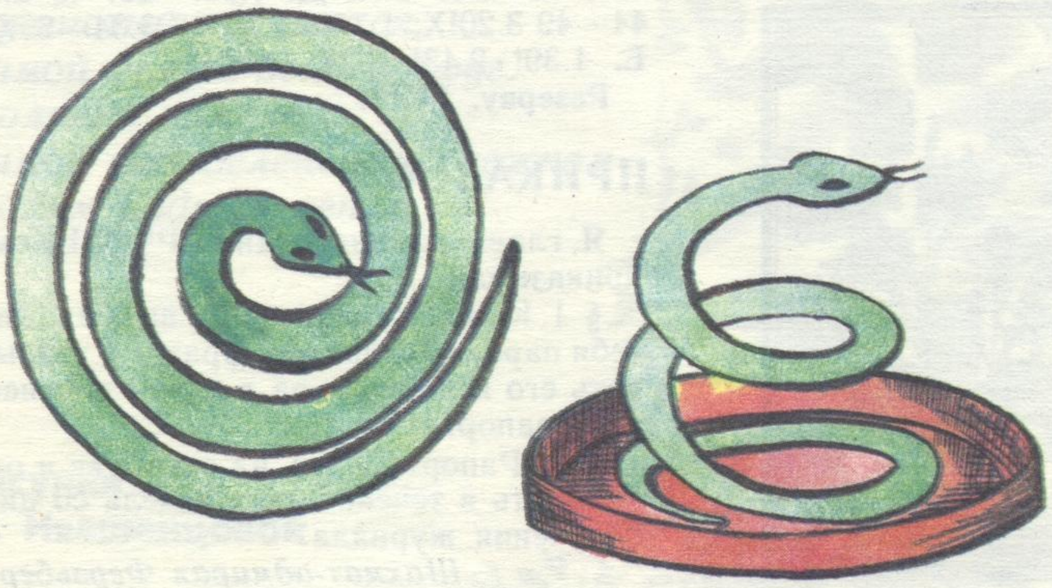
Те, кто не первый год знаком с Машей-искусницей, знает, что в первом номере Маша объявляет традиционный конкурс.

Итак: **Конкурс-89, конкурс самоделок.** Продолжим тему этого номера. Следующий год по «восточному календарю» — год Лошади. **Сделаем сувенир — лошадку.** Материал для нашей лошадки годится любой, лишь бы она не разрушилась при пересылке.

Конкурсные работы принимаются до июля 1989 года. Обязательно укажи обратный адрес, имя, фамилию, класс, в котором учишься. В двенадцатом номере журнала будут названы имена победителей, которые получат памятные подарки и дипломы. Лучшие работы мы нарисуем и расскажем, как они сделаны.

Рисунки Т. Петуховой





За семью печатями

Конкурс! Конкурс! Конкурс!

Внимание, любители головоломок!

Клуб «За семью печатями» начинает свой традиционный конкурс. Условия его очень просты — рядом с одной из задач в каждом номере журнала стоит цифра — это количество очков, которое можно получить, решив ее. Срок ответа — 2 недели со дня получения журнала. Те, кто наберет больше всего очков и пришлет наиболее интересные ответы, будут награждены подарками и дипломами.

Итак, начинаем конкурс!

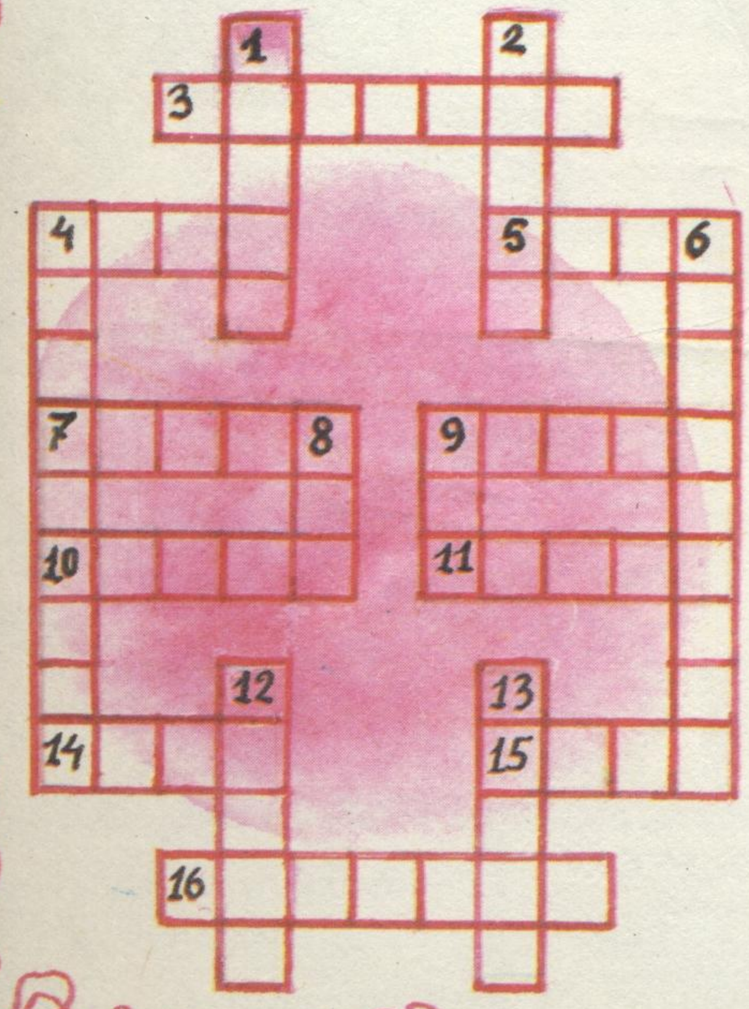
Конкурс кроссвордов

В этом году мы по просьбам читателей решили провести конкурс на лучший кроссворд. Решать, какой из кроссвордов этого года лучший, будете вы сами. Ждем от вас в конце года открыток с фамилией автора лучшего кроссворда.

А сейчас кроссворд **«Флора и фауна»** шестиклассника **Вовы Горохова** из города Ясный Оренбургской обл.

По вертикали: 1. Тропическое плодовое растение. 2. Речная рыба. 4. Комнатное растение. 6. Садовое растение с красно-желтыми цветами. 8. Разновидность попугаев. 9. Растение, семена которого заключены в стручки. 12. Тропическое растение с душистыми, сладкими плодами. 13. Болотная трава.

По горизонтали: 3. Птица. 4. Южное дерево. 5. Аквариумная рыбка. 7. Сплошной слой на поверхности стоячей воды, образованный растениями. 9. Южный сладкий картофель. 10. Тропическое растение. 11. Зверек с ценным мехом. 14. Ночная птица. 15. Орган расселения растений, зерно. 16. Органы передвижения в виде твердой нити у растения (мн. ч.).



Оформление А. Януса

Загадочный день

Однажды на дне рождения профессора Синицына его спросили, что он делал год назад.

— Ровно год назад,— ответил профессор,— я вышел на восходе солнца из палатки, прошел на юг с километр, потом повернул на запад и через час пошел обратно на север. Своих следов я не пересекал и, идя прямо на север, вышел к палатке...

А теперь ответьте, когда у профессора Синицына день рождения? **(20 очков)**.

В названии какой точки земного шара полторы буквы?

Ответы на задачи № 12 1988 г.

Сколько ударов?

78 ударов.

Конкурс кроссвордов

По горизонтали: 9. Камчатка. 10. Пирамида. 11. Закат. 12. Тракт.

По вертикали: 1. Карп. 2. Нога. 3. Бак. 4. Арча. 5. Сатка. 6. Карта. 7. Омут. 8. Ода.

Старинная задача-шутка

Это были дедушка, его сын и внук.

Главный редактор О. А. ЦАКУНОВ

Редакционная коллегия: В. М. ВЕРХОВСКИЙ, О. П. ОРЛОВ, Р. П. ПОГОДИН, Е. В. СЕРОВА, Н. И. СЛАДКОВ, А. Я. ТОЛСТИКОВ (отв. секретарь), Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор А. Н. АЗЕМША **Технический редактор В. И. МЕЦАТУНОВА** **Корректор Д. Г. ЛАЗДАН**

Адрес редакции: 193024, Ленинград, ул. Мытнинская, 1/20, телефон: 274-15-72

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Во всех случаях обнаружения полиграфического брака редакция просит обращаться в типографию, печатающую журнал.

М-46001. Сдано в набор 05.09.88. Подписано к печати 11.11.88. Формат 60/90$^{1}/_{8}$. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 6. Уч.-изд. л. 8,0. Печать офсетная. Тираж 1 330 000 экз. (2-й завод 50001—1330000 экз.) Заказ 1009. Цена 30 к.

Текстовые диапозитивы, диапозитивы иллюстраций изготовлены на Ленинградской фабрике офсетной печати № 1 Госкомиздата СССР. Отпечатано на полиграфкомбинате ЦК ЛКСМ Украины «Молодь» ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Зак. 8—534. Адрес полиграфкомбината: 252119, Киев-119, Пархоменко, 38—44.

30 к.
Индекс 70445

Про Толика, Алика, Виталика, собаку Тобика и робота Робика

12

Рисунки К. Кюфа